ЗАПИСКИ Я. К. НОМЕНА

О ПРЕБЫВАНІИ

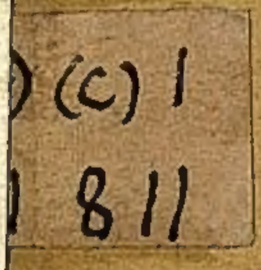
ПЕТРА ВЕЛИКАГО ВЪ НИДЕРЛАНДАХЪ

въ 1697/98 и 1716/17 гг.

ПЕРЕВОДЪ, ВВЕДЕНІЕ И ПРИМѢЧАНІЯ

В. КОРДТА.

КІЕВЪ, 1904.

ЗАПИСКИ Я. К. НОМЕНА.

ЗАПИСКИ Я. К. НОМЕНА

О ПРЕБЫВАНІИ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО ВЪ НИДЕРЛАНДАХЪ

въ 1697/98 и 1716/17 гг.

ПЕРЕВОДЪ, ВВЕДЕНІЕ И ПРИМѢЧАНІЯ

В. КОРДТА.

КІЕВЪ, 1904.

Дозволено Цензурою, Кіевъ 5 Декабря 1903 г.

КІЕВЪ,
Тип. С. В. Кульженко. Пушкинская соб. д. № 4.
1904 г.

ВВЕДЕНІЕ.

Голландскій подлинникъ записокъ Номена о пребываніи Петра Великаго въ Голландіи, издаваемыхъ здѣсь въ переводѣ на русскій языкъ, хранится въ библіотекѣ Утрехтскаго Университета подъ № 47 въ отдѣлѣ рукописей, принадлежащихъ Утрехтскому Историческому Обществу. Онъ составляетъ тетрадь въ четвертую долю, длиною въ 20 сант. и шириною въ 16 сант. На внутренней сторонѣ обертки написано: Geschenk van den heer J. D. C. Suermondt te Utrecht, 3 Febr. 1855 (пожертвовано г. И. Д. К. Зурмонтомъ въ Утрехтѣ 3 февраля 1855 г.). На второй страницѣ перваго листа имѣется отмѣтка „Voor Aeghie Dircks" (для Ахье Дирксъ). Упомянутая здѣсь Ахье (т. е. Агата) носила фамилію Гротъ [1]) и была внучкой автора записокъ. До 1855 г. рукопись, вѣроятно, находилась во владѣніи наслѣдниковъ ея автора, Я. К. Номена. Отъ нихъ, должно быть, и получилъ ее русскій посланникъ въ Гагѣ, князь Димитрій Голицынъ,

---

[1]) Слово Дирксъ (т. е. Дитриха сынъ) есть отчество ея отца, замѣняющее здѣсь фамилію.

который въ 1781 г. отправилъ записки Номена въ Петербургъ „по просьбѣ одного знатнаго банкира“ [1]). Кто ими тогда у насъ пользовался, неизвѣстно. Впослѣдствіи онѣ были возвращены въ Голландію и хранились у правнука автора, Дирка Фольмера, въ Зандамѣ. Тамъ ихъ видѣлъ голландскій историкъ Яковъ Схелтема, который въ то время служилъ въ Зандамѣ мировымъ судьей и до такой степени заинтересовался ими, что рѣшилъ написать очеркъ пребыванія Петра Великаго въ Зандамѣ. Онъ исполнилъ свое намѣреніе и въ 1814 г. издалъ изслѣдованіе Peter de Groote, keizer van Rusland, in Holland en te Zaandam, in 1697 en 1717 г., [2]) причемъ бо́льшую часть свѣдѣній, сообщенныхъ здѣсь о пребываніи Петра Великаго въ Голландіи и, въ особенности, въ Зандамѣ, онъ черпалъ почти дословно изъ записокъ Номена.

[1]) Scheltema, Peter de Groote (изд. 1842 г.) I, стр. XV.

[2]) Краткія, но точныя свѣдѣнія о Схелтемѣ см. у Устрялова, Исторія Петра Вел. III, 397, 398. Обстоятельная біографія Схелтемы напечатана его родственникомъ П. Схелтемой, подъ заглавіемъ: Het leven en de letterkundige verrichtingen van den geschiedschrijver J. Scheltema. Amsterdam, 1849; (Жизнь и литературная дѣятельность историка Я. С.). Второе изданіе книги Я Схелтемы, „Peter de Groote in Holland“, значительно дополненное, вышло подъ заглавіемъ: Rusland en de Nederlanden, beschouwd in derzelver wederkeerige betrekkingen, Amst., 1817 — 1819; 4 тома. Первое изданіе, въ двухъ томахъ, было перепечатано безъ всякихъ измѣненій въ 1842 г. въ Утрехтѣ.

Извлеченія, напечатанныя Схелтемою, давно уже обратили на себя вниманіе русскихъ историковъ. Устряловъ, [1]) Соловьевъ [2]) и Брикнеръ [3]) пользовались ими для своихъ трудовъ, какъ матеріаломъ для описанія пребыванія Петра Великаго въ Голландіи. Всѣ они, ссылаясь неоднократно на Номена, признавали, что его записки цѣнны; но никому изъ нихъ не приходилось пользоваться подлинникомъ, такъ какъ до сихъ поръ записки Номена не были изданы полностью. Между тѣмъ, въ этомъ историческомъ памятникѣ разсѣяно много любопытнаго; тѣмъ болѣе, что записки Номена являются важнымъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ единственнымъ источникомъ для выясненія нѣкоторыхъ моментовъ пребыванія Петра Великаго въ Нидерландахъ. Появленіе ихъ въ русской литературѣ безъ сокращеній, въ переводѣ, сдѣланномъ съ голландскаго подлинника, кажется, представитъ извѣстный интересъ.

Свѣдѣнія наши о Номенѣ весьма скудны. Извѣстно только, что онъ былъ членомъ деревенской управы въ Зандамѣ, а по профессіи — купцомъ, торговавшимъ сукномъ. Въ

[1]) Исторія царствованія Петра Великаго, III, 70.

[2]) Исторія Россіи, XIV (изд. 2-е), прим. 182.

[3]) Путешествіе Петра Великаго за границу съ 1711 до 1717 г. Русскій Вѣстникъ 1880, № 11, 12, и 1881, № 1—3. Его же: Die Reise Peters d. Gr. in's Ausland 1697 und 1698. Russische Revue, XIV. 1879.

1717 г., во время второго путешествія Петра Вел., онъ, должно быть, находился уже въ преклонномъ возрастѣ, такъ какъ у него тогда было трое внучатъ. Въ Россіи онъ не бывалъ [1]).

Что составителя издаваемыхъ здѣсь разсказовъ о Петрѣ Великомъ слѣдуетъ искать именно въ лицѣ Я. К. Номена, не подлежитъ сомнѣнію: онъ самъ опредѣленно говоритъ о себѣ, какъ объ авторѣ-очевидцѣ: „я Янъ Корнелиссонъ (Корнеліевъ сынъ) Номенъ", а въ другомъ мѣстѣ отмѣчаетъ, что извѣстныя свѣдѣнія были переданы ему, и при этомъ называетъ себя: Я. К. Н. (J. C. N.).

Записки свои Номенъ велъ въ хронологической послѣдовательности, описывая при этомъ не только пребываніе Петра Великаго въ разныхъ городахъ и мѣстностяхъ Нидерландовъ, но и поѣздки его въ Англію, Австрію и Францію. Такъ какъ онъ не сопровождалъ царя въ путешествіяхъ, то ужъ отсюда ясно, что онъ пользовался не только

---

[1]) Въ Занландскомъ музеѣ мѣстныхъ древностей въ селеніи Зандейкѣ хранится рисунокъ на стеклѣ, изображающій Петра Великаго, въ костюмѣ голландскаго плотника, покупающаго кусокъ матеріи въ лавкѣ Яна Номена. Послѣдній изображенъ стоящимъ за прилавкомъ и мѣряющимъ аршиномъ матерію. Подъ рисункомъ надпись: Jan Cornelisz Nomen 1697. Номенъ, впрочемъ, не упоминаетъ въ своихъ запискахъ о томъ, чтобы царь заходилъ въ его лавку. См. тоже: De verzameling betreffende de Zaanlanden in de Zaanlandsche Oudheidkamer. Zaandijk, 1892, pag. 27.

своими личными наблюденіями, но и другими источниками.

Дѣйствительно, Номенъ не былъ и не могъ быть очевидцемъ всѣхъ происшествій, передаваемыхъ имъ; онъ и не старается выступать исключительно въ этой роли; напротивъ, онъ неоднократно откровенно указываетъ на другіе источники. Соотвѣтственно этому въ составѣ его записокъ можно различить четыре отдѣла. Первый изъ нихъ, и въ то же время самый маленькій, это тѣ разсказы, которые составляютъ несомнѣнно непосредственныя личныя наблюденія Номена-очевидца [1]). Второй отдѣлъ составляетъ та часть записокъ, въ которой авторъ, съ одной стороны, по соб-

[1]) Номенъ называетъ себя очевидцемъ три раза. Вскорѣ послѣ столкновенія Петра съ уличною молодежью въ Зандамѣ, именно 21 августа 1697 г., бургомистръ Іоръ совѣщается съ Номеномъ, какъ съ членомъ деревенской управы, о содержаніи воззванія, которое по поводу неприличнаго поведенія молодыхъ зандамцевъ предполагалось поручить деревенскому глашатаю. Далѣе, Номенъ говоритъ, что онъ черезъ два дня послѣ фейерверка, сожженнаго 29-го августа того же года въ Амстердамѣ, въ честь прибытія великаго посольства, имѣлъ случай лично убѣдиться въ томъ, что желѣзныя перила моста, передъ которымъ состоялся фейерверкъ, были сильно погнуты отъ напора народа. Наконецъ, онъ видѣлъ царя, катавшагося на парусахъ по Зану, 5-го марта 1718 г. и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы коротко, но мѣтко, передать впечатлѣніе, произведенное на него мощнымъ обликомъ монарха.

ственному указанію, передаетъ слухи и, съ другой стороны, описываетъ, безъ обозначенія источника, цѣлый рядъ происшествій изъ пребыванія Петра Великаго въ Зандамѣ и другихъ мѣстностяхъ Голландіи. Вѣроятно, онъ и былъ свидѣтелемъ нѣкоторыхъ изъ этихъ происшествій, въ особенности тѣхъ, которыя случились въ Зандамѣ, но опредѣлить это точно, положительно нельзя. Весьма возможно, что часть происшествій, разсказанныхъ безъ обозначенія источника, онъ записывалъ такъ, какъ передавали ему устно односельчане и соотечественники. Нѣкоторые изъ разсказовъ этого отдѣла встрѣчаются только у Номена, поэтому провѣрить ихъ трудно. За то другіе успѣшно выдерживаютъ провѣрку по первоисточникамъ. Какъ осторожно онъ, однакожъ, пользовался слухами, показываетъ напр. тотъ фактъ, что, перечисляя предполагаемыя причины болѣзни, которой царь страдалъ въ 1717 г. въ Амстердамѣ, Номенъ говоритъ, что не берется рѣшить окончательно этого вопроса. Третьей частью записокъ Номена является рядъ разсказовъ, которые ему передавали устно его односельчане и земляки. Онъ приводитъ ихъ имена и при этомъ, очевидно, старается подъискать себѣ самыя надежныя свѣдѣнія. Называя людей, сообщившихъ ему извѣстія, онъ большею частью прибавляетъ нѣсколько словъ, которыя должны служить какъ бы доказательствомъ того, что это были

люди достовѣрные [1]). Наконецъ, у Номена есть еще указанія на четвертый источникъ, который служилъ ему при составленіи записокъ — это письма, полученныя въ Голландіи. Впрочемъ, ими онъ пользовался только для краткихъ и отрывочныхъ сообщеній о путешествіяхъ Петра Великаго внѣ предѣловъ Нидерландовъ. Кому были отправлены эти письма, неизвѣстно.

---

[1]) Номенъ начинаетъ свои записки краткимъ введеніемъ, въ которомъ говоритъ о смерти царя Ѳеодора Алексѣевича (который у Номена ошибочно названъ Алексѣемъ), о происшествіяхъ въ Москвѣ въ маѣ 1686 г. и о юности Петра Великаго. Свѣдѣнія эти, которыя однакожъ не вполнѣ точны, сообщилъ Номену Янъ Бруръ, „правдивый человѣкъ, жившій много лѣтъ купцомъ въ Московіи". Какъ источникъ разсказа о скромности Петра Великаго на верфи Остъ-Индской компаніи въ Амстердамѣ, онъ называетъ одного „правдиваго" амстердамскаго купца. Далѣе упоминаются: „правдивый шкиперъ, плававшій въ теченіе многихъ лѣтъ въ Московію; жена и дочь Номена; затѣмъ снова Янъ Бруръ, о которомъ здѣсь говорится, что тотъ „понималъ и даже кое-какъ говорилъ по-русски, такъ какъ 19 лѣтъ вращался въ Московіи; потомъ Герритъ Янсонъ Стюрманъ, учитель двухъ волонтеровъ по мачтовому дѣлу; Фанъ деръ Гейде младшій, передавшій въ деревенской ратушѣ, со словъ очевидца, Н. Витсена, о происшествіяхъ во время переѣзда Петра Великаго изъ Амстердама въ Гагу въ 1697 г.; его служанка; жена зандамскаго пастора Фанъ Альста, которая была очевидицею обѣда, даннаго царю и царицѣ К. М. Калфомъ въ Зандамѣ; его внучата; Николай Калфъ, сынъ Корнелиса Калфа; амстердамскій торговецъ Соломонъ Рененъ; наконецъ, Класъ К. Гротъ.

Во всякомъ случаѣ то, что Номенъ сообщаетъ на основаніи ихъ, заслуживаетъ довѣрія, за исключеніемъ лишь немногихъ мѣстъ [1]).

Наиболѣе важны и любопытны, конечно, три первыхъ отдѣла изъ записокъ Номена; четвертый же не даетъ ничего такого, чего не было бы уже извѣстно изъ другихъ источниковъ.

Редакцію разсказовъ Номена, какъ о первомъ, такъ и о второмъ путешествіяхъ Петра Великаго, можно пріурочить къ порѣ пребыванія царя за границею. На это указываетъ то обстоятельство, что Номенъ 19-го января 1698 г. отмѣчаетъ: „говорятъ, что эту зиму онъ будетъ путешествовать по Англіи"; далѣе, подъ 1717 г. мы встрѣчаемъ замѣтки: „вчера бальзамировали тѣло" и „сегодня 28-го марта государь уѣхалъ въ Лейденъ". Не смотря на немногочисленность подобныхъ данныхъ, все-таки, предположеніе, что нашъ памятникъ принадлежитъ не только Петровскому времени, но и непосредственно порѣ пребыванія царя за границею, имѣетъ за собою много вѣроятности.

---

[1]) Возможно и то, что Номенъ пользовался голландскимъ политическимъ журналомъ того времени „Europische Mercurius", издаваемомъ въ Амстердамѣ, и что онъ „письмами называетъ тѣ извѣстія и корреспонденціи, которыя въ немъ помѣщались о путешествіяхъ Петра Великаго внѣ предѣловъ Нидерландовъ. См. 1697—1698 и 1716—1717 гг. журнала.

Очевидно, разсказы односельчанъ, побывавшихъ въ Россіи, далѣе, своеобразная личность государя произвели такое глубокое впечатлѣніе на нашего автора, что онъ вскорѣ послѣ того, какъ стало извѣстно, что въ Зандамъ пріѣхалъ молодой царь-плотникъ, рѣшилъ записывать то, что самъ наблюдалъ, и то, что слышалъ. Онъ, безъ сомнѣнія, предназначалъ свои записки только для самого себя и для своей семьи. Во всякомъ случаѣ, интересенъ тотъ фактъ, что личность юнаго Русскаго царя побудила взяться за перо скромнаго, деревенскаго торговаго человѣка, едва ли раньше мечтавшаго заниматься литературой. И если это такъ, если Номенъ свои разсказы дѣйствительно составилъ одновременно съ пребываніемъ Петра Великаго въ Нидерландахъ, то эти записки должны намъ представляться еще болѣе цѣнными, еще болѣе привлекательными, такъ какъ онѣ въ такомъ случаѣ свободны отъ наслоеній, которыя неизбѣжно наростаютъ на преданіяхъ о великихъ людяхъ.

Номена можно упрекнуть въ томъ, что его записки не полны, что онъ, взявшись разъ за перо, не постарался составить болѣе подробный разсказъ о пребываніи Петра Великаго въ Голландіи. За то, съ другой стороны, ему нужно отдать справедливость: почти все, что онъ намъ даетъ, заслуживаетъ названіе безыскусственнаго, достовѣрнаго разсказа. Правда, у

него есть нѣкоторыя извѣстія, не вполнѣ соотвѣтствующія фактамъ, напр., разсказы о юности Петра Великаго, или сомнительныя, какъ его разсказъ о казни стрѣльцовъ. Эти погрѣшности, однакожъ, простительны; авторъ впалъ въ нихъ потому, что вышелъ изъ рамокъ своей прямой задачи. При провѣркѣ записокъ Номена, на сколько это возможно, по подлиннымъ документамъ получается впечатлѣніе, что онъ относился къ дѣлу добросовѣстно, сумѣлъ вообще сохранить историческую точность, и что ошибки, которыя у него встрѣчаются, не относятся къ сущности его разсказа и не должны умалять цѣнности памятника.

Въ издаваемомъ здѣсь русскомъ переводѣ сохранена по возможности вся своеобразность подлинника, причемъ къ нѣкоторымъ мѣстамъ прибавлены въ примѣчаніяхъ необходимыя объясненія. Въ прямыя скобки поставлены слова и буквы, пропущенныя въ оригиналѣ; круглыя же скобки, имѣющіяся въ подлинникѣ, перенесены такимъ же образомъ въ мой переводъ.

Кіевъ, сентябрь 1903 г.

В. Кордтъ.

ЗАПИСКИ НОМЕНА.

I.

[Путешествіе Петра Великаго за границу въ 1697 и 1698 гг.]

Я[нъ] П[итерсонъ] Б[руръ], человѣкъ правдивый, жившій много лѣтъ купцомъ въ Московіи, передалъ мнѣ, что его царское величество великій князь Московскій Алексѣй [1]) (по-нѣмецки Александръ), будучи сильно боленъ и чувствуя себя весьма дурно, спросилъ или потребовалъ у своего лейбъ-медика, чтобы тотъ далъ ему лекарство для облегченія страданій; это лекарство онъ принялъ, но вскорѣ послѣ того внезапно умеръ. Его подданные, весьма огорченные этимъ, говорили, что вышеупомянутый врачъ отравилъ его царское величество. Противъ этого обвиненія тотъ энергично протестовалъ, увѣряя что онъ раньше, чѣмъ дать его царскому величеству лекарство, самъ его попробовалъ и отвѣдалъ. Но это

---

[1]) Изъ дальнѣйшаго разсказа ясно, что здѣсь идетъ рѣчь о болѣзни царя Θеодора Алексѣевича, а не Алексѣя Михайловича.

ему не помогло; они хотѣли въ своей ярости наказать его, а поэтому нѣкоторыя лица посовѣтовали ему спастись бѣгствомъ. Онъ, дѣйствительно, бѣжалъ, переодѣтый нищимъ, въ какой-то замокъ или укрѣпленный господскій домъ, находившійся въ разстояніи нѣсколькихъ миль. Подданные, узнавъ объ этомъ, вооружились и отправились туда большой толпой. Тамъ они схватили упомянутаго доктора и убили его варварскимъ образомъ, а именно: они стояли внизу съ пиками, саблями и другимъ оружіемъ, держа остріе къ верху; врача раздѣли, бросили совсѣмъ голаго внизъ на острія смертоносныхъ оружій и затѣмъ его разрубили на куски [1]).

Послѣ смерти его царскаго величества царствовалъ его старшій сынъ Иванъ; но такъ какъ онъ былъ слѣпъ, или почти не могъ видѣть, и не обладалъ такимъ свѣтлымъ умомъ, какъ его братъ Петръ, то, по истеченіи короткаго времени, правленіе поручили послѣднему вмѣстѣ съ Иваномъ. Иванъ управлялъ придворными дѣлами, а Петръ военными. Въ то время, когда Петръ былъ въ походѣ, Иванъ умеръ [2]). Тогда сестра ихъ

[1]) Рѣчь идетъ о докторѣ Даніилѣ фанъ Гаденѣ, который былъ убитъ во время перваго бунта стрѣльцовъ, 17 мая 1682 г. См. Устряловъ, Ист. Петра, I, 41 и прил. № VI: Донесеніе датскаго резидента Бутенанта фонъ Розенбуша о бунтѣ стрѣльцовъ.

[2]) Иванъ умеръ 29-го января 1696 г., когда Петръ былъ въ Москвѣ.
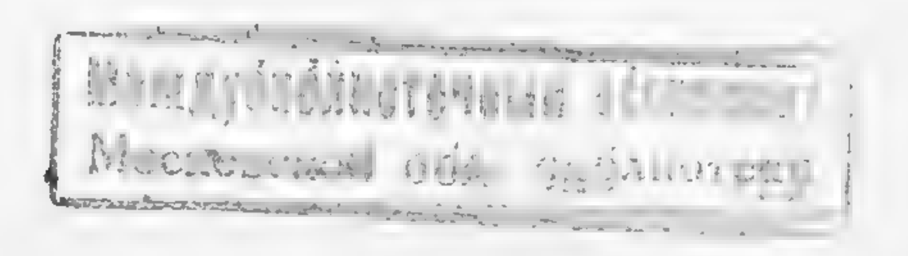
старалась коварнымъ образомъ лишить Петра жизни, чтобы потомъ, вмѣстѣ съ своимъ мужемъ [1]), овладѣть престоломъ. (Говорятъ, все это до того взволновало Петра, что онъ съ тѣхъ поръ, во время ходьбы, постояно трясетъ головой, причемъ одна рука часто содрагается; но другіе говорятъ, что это осталось у него еще съ дѣтства, вслѣдствіе бывшихъ у него судорогъ). Но послѣ многихъ непріятностей и смутъ Петръ утвердился на престолѣ, посадилъ свою сестру въ темницу, а мужа ея водворилъ на какомъ то островѣ [2]).

Доктора посовѣтовали его царскому величеству упражнять свое тѣло физическимъ трудомъ, считая это хорошимъ средствомъ при его болѣзненномъ состояніи, и такъ какъ кораблестроеніе ему очень понравилось, то онъ началъ заниматься этимъ ремесломъ и серьезно предался этому дѣлу; а чтобы фундаментально изучить и знать его, онъ велѣлъ нанять здѣсь въ Зандамѣ нѣсколько плотниковъ, которымъ платилъ 50 гульденовъ въ мѣсяцъ и, сверхъ того, еще 10 стейверовъ въ сутки на харчи. Изъ этихъ денегъ жены и друзья ихъ могли получать въ Амстердамѣ и

[1]) Номенъ, очевидно, называетъ мужемъ царевны Софьи ея сподвижника и любимца, князя Василія Голицына.

[2]) Князь В. Голицынъ былъ сосланъ въ Яренскъ, а потомъ въ Пустозерскъ (Устряловъ II, прил. VII).

2

здѣсь[1]) у Яна Брура 40 гульденовъ ежемѣсячно; остальными же деньгами они сами пользовались въ Московіи. Съ этими плотниками его царское величество обращался очень дружелюбно и просто. Они нерѣдко ѣли и пили съ нимъ за однимъ столомъ. Онъ хотѣлъ, чтобы они звали его не иначе, какъ Петромъ плотникомъ.

Какъ то разъ онъ захотѣлъ состязаться съ Арейаномъ Барентсомъ (онъ же и Метье), кто изъ нихъ будетъ въ состояніи выстроить быстрѣе корабль, работая съ равнымъ числомъ помощниковъ. Его царское величество долженъ былъ руководить постройкой одного корабля, а Арейанъ Метье постройкою другого. Съ этой цѣлью каждый изъ нихъ приступилъ со своими рабочими къ постройкѣ корабля одинаковой величины на одной и той же верфи. Итакъ, началось серьезное и ревностное состязаніе въ первенствѣ. Но такъ какъ Метье зналъ свое ремесло очень хорошо, то его царское величество не успѣвалъ за нимъ; а для того, чтобы все-таки честь досталась царю, собирали поздно вечеромъ доски и другія деревянныя части, изготовленныя въ теченіи дня для корабля А. Метье, и употребляли ихъ на корабль, постройкой котораго завѣдывалъ его царское величество въ качествѣ мастера. Такимъ образомъ, тѣ, кото-

[1]) Т. е. въ Зандамѣ.

рые строили другой корабль, должны были заготовлять опять новыя доски. Въ результатѣ оказалось, что корабль Петра плотника былъ оконченъ первымъ.

Московитянамъ было завидно, и они не могли помириться съ тѣмъ, что ихъ государь такъ высоко ставилъ зандамскихъ плотниковъ и такъ просто съ ними обращался. Особенно же имъ было досадно, что тѣ зарабатывали гораздо больше денегъ, чѣмъ они, русскіе; но въ подобныхъ случаяхъ они получали въ отвѣтъ: „когда вы столько же и такъ же хорошо будете работать, какъ голландцы, тогда и вы будете получать столько же денегъ". Нѣкоторые зандамцы умерли въ Московіи, между прочими и [Класъ Виллемсонъ] Месъ, котораго его царское величество очень уважалъ и любилъ, а вдова покойнаго получила отъ царя подарокъ въ размѣрѣ пятисотъ гульденовъ деньгами [1]).

Вотъ все, что разсказалъ Я[нъ] П[итерсонъ] Б[руръ].

Въ 1697 году его царское величество рѣшилъ предпринять большое путешествіе и отправился въ дорогу съ большою свитою, со-

[1]) Голландскіе плотники, выписанные изъ Зандама, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, работали, вѣроятно, въ Преображенскомъ и въ Воронежѣ послѣ перваго Азовскаго похода, въ 1695 и 96 гг. (Елагинъ, Исторія русскаго флота, стр. 22; приложенія, I, 3—4). На основаніи показаній Номена, Схелтема (Peter de Groote I, 30) ошибочно относитъ прибытіе и дѣятельность гол-

стоявшею, между прочимъ, изъ разныхъ князей и вельможъ его государства, двухъ или трехъ пословъ, священниковъ и другихъ должностныхъ лицъ. Нѣкоторые изъ нихъ ѣхали въ Германію и въ Вѣну къ Германскому императору, другіе же въ Италію и въ Римъ къ папѣ (но ни одинъ во Францію, ибо французовъ великій царь не долюбливалъ); самъ же онъ со многими изъ вышеупомянутыхъ господъ отправился въ Голландію и въ Англію. Но въ газетахъ не смѣли сообщить о томъ, что онъ самолично участвуетъ въ этомъ путешествіи; а писалось всегда: „великое Московское посольство", или, „нѣкоторые князья изъ великаго посольства его царскаго величества" были здѣсь или тамъ.

ландскихъ плотниковъ, нанятыхъ въ Зандамѣ, къ самому началу строенія судовъ въ Переславлѣ Зал. Устряловъ (II, прим. 33) указываетъ на то, что заслуга сооруженія Переславской флотиліи принадлежитъ Карстену-Брандту, что былъ еще другой мастеръ, Кортъ, и что, вѣроятно, уже послѣ его смерти (въ іюнѣ 1692 г.) третій мастеръ, Класъ, также работалъ на Переславской верфи. Что Класъ дѣйствительно участвовалъ при кораблестроеніи въ Переславлѣ, доказываетъ письмо царя къ князю Ѳ. Ю. Ромодановскому отъ 17-го декабря 1697 г., въ которомъ говорится, что корабль, сдѣланный въ Переславлѣ Класомъ, „по новинѣ своей и величеству годенъ будетъ" для того, чтобы провести его на Волгу. На это послѣдовалъ отвѣтъ князя Ѳ. Ю. Ромодановскаго, въ которомъ, между прочимъ, говорится: „А что писалъ ты ко мнѣ, господине,.... о кораблѣ.... и я для того посылалъ въ Пере-

Итакъ, онъ пріѣхалъ со своими спутниками въ Эммерикъ и нанялъ тамъ шкипера, который долженъ былъ отвезти его и нѣкоторыхъ изъ его свиты на маленькомъ акѣ, т. е. очень невзрачной лодкѣ, въ Зандамъ. Но шкиперъ согласился везти его только до Амстердама, такъ какъ не зналъ, найдетъ ли онъ дорогу въ Зандамъ; но рѣшили разспросить о дорогѣ, пріѣхавъ въ Амстердамъ. Такъ они и поплыли на этой лодкѣ внизъ по Рейну и къ

славль Инехова, а съ нимъ голанскаго плотника, Класова товарища, Яна Ренса, который съ нимъ, Класомъ, тотъ корабль дѣлалъ, и велѣлъ ево осмотрить.... и тотъ плотникъ ко мнѣ пишетъ изъ Переславля, что никакими мѣрами весть ево нельзя: носъ весь згнилъ, также и кривули, и дно все згнило". (Письма и бумаги Петра Великаго, I, 225, 670). Именно на Яна Ренсена указываетъ и Номенъ, какъ на плотника, служившаго въ Россіи и пользовавшагося расположеніемъ царя. Слѣдовательно, былъ еще четвертый голландскій мастеръ въ Переславлѣ. Фамилія Класа неизвѣстна, но можно предполагать, хотя пока и нельзя доказать, что Класъ—именно тотъ самый Класъ Виллемсонъ Месъ, о которомъ здѣсь говоритъ Номенъ. Догадка эта имѣетъ свое основаніе, хотя и слабое, въ томъ обстоятельствѣ, что царь въ февралѣ 1696 г. ожидалъ изъ-за моря корабельщика Яна Вламина и „корабельныхъ плотниковъ" Класа Виленсена и Яна Янсона съ людьми своими, которые и прибыли въ мартѣ черезъ Ригу и Псковъ. Можетъ быть, этотъ Класъ и тождественъ вышеупомянутымъ Класу и Класу Вилемсону Месу. (См. Письма и бумаги Петра Великаго, I, 549 552. Устряловъ II, 390).

вечеру пріѣхали въ Амстердамъ[1]). Отсюда собрались плыть дальше въ Зандамъ; но, прибывъ къ Остъ-Занскому Офертому[2]), рѣшили тутъ же ночевать. Въ воскресенье, 18-го августа, поплыли далѣе и пріѣхали на томъ же плохомъ суднѣ въ шесть часовъ утра въ Форзанъ или Керкракъ[3]), гдѣ какъ разъ въ это время нѣкій Герритъ Кистъ, который одно время былъ кузнецомъ въ Московіи, сидѣлъ въ челнокѣ и ловилъ угрей. Русскіе увидѣли и узнали его, и закричали: „кузнецъ, кузнецъ, поди сюда"! Кистъ удивился, увидѣвъ странное и жалкое судно; но каково было его изумленіе, когда онъ вошелъ въ него и замѣтилъ тамъ, между другими, его царское величество, который его принялъ очень дружелюбно. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ они условились, что будутъ жить въ домѣ кузнеца; такъ они и сдѣлали. Этотъ домъ находится

---

[1]) Это было 17-го августа. Номенъ вездѣ считаетъ по новому стилю.

[2]) Oostzaner Overtoom—мѣстечко на берегу залива Эй, въ разстояніи одной мили отъ Зандама.

[3]) Рѣка Занъ беретъ начало изъ озера Старремеръ, протекаетъ черезъ городъ Зандамъ и впадаетъ немного южнѣе его въ заливъ Эй. На южной сторонѣ города построена чрезъ рѣку плотина (такъ наз. Даммъ) съ тремя шлюзами, которые регулируютъ водную систему Зана и прилегающихъ каналовъ. Начало Зана, до Дамма и шлюзъ, называется Binnen- или Achter-Zaan (Внутренній или Верхній Занъ), а вторая часть, отъ шлюзъ до залива Эй—Voor-Zaan (Внѣшній Занъ).

на Кримпенбурхѣ и представляетъ изъ себя смиренную хижину; впрочемъ, и самъ Кримпенбурхъ — одна изъ самыхъ неважныхъ частей Зандама. И здѣсь то поселился одинъ изъ самыхъ великихъ государей христіанскаго міра. Поэтому жители Кримпенбурха и говаривали послѣ: нашу мѣстность теперь нужно переименовать въ Кейзерсграхтъ или Форстенбурхъ [1]).

Его царское величество строго на строго запретилъ Герриту Кисту, кузнецу, сообщать кому-либо, кто онъ именно. Онъ посѣтилъ Антонія фанъ Каувенгоофе, нашего деревенскаго сторожа, дочь котораго побывала въ Архангельскѣ, между тѣмъ какъ сынъ его въ то время еще жилъ въ Московіи, въ качествѣ мастера на лѣсопильной мельницѣ (впослѣдствіи онъ помогалъ при постройкѣ мельницъ). Въ то время, какъ великій князь находился въ домѣ Каувенгоофе, пришелъ туда домине [2]) Іоанъ Фергеръ, здѣшній пасторъ въ Вестъ-Зандамѣ, вмѣстѣ съ однимъ изъ старшинъ, чтобы навѣстить его, и Каувенгоофе сказалъ имъ незамѣтно: „обратите хорошенько вниманіе на самаго высокаго или самаго большого

[1]) Т. е. императорская или княжеская улица. Каналы и улицы съ каналами называются въ Голландіи Gracht, а если каналъ узкій, Burg или Burgwall. Домикъ Петра Великаго въ Зандамѣ дѣйствительно находится на улицѣ съ узкимъ каналомъ.

[2]) Протестантскихъ пасторовъ въ Голландіи называютъ Domine.

среди нихъ, когда они уѣдутъ, я вамъ сообщу, что это за знатный господинъ; пока же они находятся здѣсь, въ нашихъ краяхъ, намъ о томъ говорить нельзя".

Его царское величество купилъ на Высокомъ Зедейкѣ [1]), въ домѣ вдовы Якова Омеса, разные плотничьи инструменты, которые отправилъ въ свою скромную царскую квартиру на Кримпенбурхѣ. Затѣмъ онъ, сбросивъ верхнее платье, сталъ работать до пота. Онъ хотѣлъ изготовить себѣ ванну и сдѣлать разныя другія вещи. Его свита говорила, что они, вѣроятно, останутся здѣсь всю зиму до марта мѣсяца, чтобы усовершенствоваться въ кораблестроеніи и другихъ ремеслахъ, надѣясь одновременно познакомиться со страной а, въ особенности, съ этой деревней и съ ея промышленностью.

Его царское величество осматривалъ съ большимъ вниманіемъ корабельныя верфи и лѣсопильныя мельницы и, между прочимъ, отправился на мельницу подъ названіемъ De Kok (Поваръ), чтобы видѣть, какъ изготовляется бѣлая бумага. Мельницу остановили, и онъ спросилъ, зачѣмъ они, когда мельница уже почти остановилась, снова немного подняли тормазъ. Получивъ объясненіе, онъ отвѣтилъ: „это хорошо". Онъ осматривалъ все

---

[1]) Плотина на западномъ берегу залива Эй, которая начинается съ южной стороны Вестъ-Зандама.

очень подробно и спрашивалъ объ устройствѣ отдѣльныхъ частей. На этой же мельницѣ одинъ изъ мастеровъ, а именно черпальщикъ, былъ занятъ черпаніемъ изъ чана въ форму той массы, изъ которой изготовляется бѣлая бумага; этою работой великій князь особенно заинтересовался и просилъ разрѣшить ему сдѣлать опытъ. На это охотно согласились, и зачерпнувъ, онъ подарилъ рабочему рейхсталеръ, несмотря на то, что у насъ онъ не часто бывалъ щедрымъ, а напротивъ, показывалъ себя очень экономнымъ.

Обѣдать онъ отправился къ женѣ Яна Ренсена, которая жила на Зейддейкѣ[1]). Янъ Ренсенъ служитъ тоже въ Московіи корабельнымъ плотникомъ, и царь очень любитъ его.

Онъ обѣдалъ и у вдовы вышеупомянутаго Класа Виллемсона Меса. Она хотѣла поблагодарить его за щедрый подарокъ, посланный ей послѣ смерти мужа, но не посмѣла сдѣлать этого, такъ какъ онъ не желалъ, чтобы было извѣстно, что онъ высочайшая особа. Поэтому, слѣдуя данному ей доброму совѣту, она сказала ему, что не въ состояніи выразить ту благодарность, которую питаетъ къ его царскому величеству за милость, оказанную ей когда она овдовѣла, и просила его, чтобы онъ, когда увидитъ его царское величество, передалъ ему отъ ея имени искрен-

[1]) Suiddijk—плотина на лѣвомъ берегу Форзана.

нюю и сердечную признательность. На это онъ отвѣтилъ, что она можетъ быть вполнѣ увѣрена въ томъ, что это будетъ доложено его царскому величеству.

Онъ навѣстилъ и Марію Гитмансъ, бѣдную женщину, сынъ которой тоже служитъ въ Московіи плотникомъ. Въ этотъ домикъ какъ разъ зашла и Антье, жена вышеупомянутаго Арейана Метье. Они выпили вмѣстѣ по рюмкѣ еневра [1]. Марія Гитмансъ, показывая на Антье, сказала: „ея мужъ тоже плотничаетъ въ Московіи“. Онъ спросилъ: „кто онъ такой“? Она объяснила ему это, и онъ тогда отвѣтилъ: „я хорошо знаю его, потому что онъ строилъ корабль недалеко отъ моего корабля“. Она продолжала: „развѣ ты тоже умѣешь плотничать“? Онъ отвѣтилъ: „да, я тоже плотникъ“.

Ему весьма понравилась зандамская одежда; поэтому онъ отправилъ одного изъ своей свиты вмѣстѣ съ портнымъ Ремметомъ въ Амстердамъ съ порученіемъ купить матерій, чтобы сшить платье его величеству по зандамскому образцу. Также и другіе здѣшніе портные шили платье ему и его свитѣ.

Между тѣмъ обо всемъ этомъ много толковали. Одни говорили: „это непремѣнно великій царь, вѣдь это видно и изъ того, что онъ постоянно трясетъ головой и размахиваетъ

---

[1]) Jenever — водка, настоенная на ягодахъ можжевельника.

правой рукой". Другіе говорили: „не можетъ быть, чтобы такой великій государь жилъ здѣсь въ деревнѣ, притомъ еще на такой плохой улицѣ, какъ Кримпенбурхъ, и въ такомъ невзрачномъ домикѣ", и приводили еще столько доводовъ, что ихъ и перечислить нельзя. Чтобы разъяснить эти сомнѣнія, жители неоднократно обращались къ вышеупомянутому кузнецу Герриту Кисту и къ А. Каувенгоофе и упрашивали ихъ сообщить имъ сущую правду. Обращались и къ вышеупомянутымъ женщинамъ, у которыхъ онъ обѣдалъ; но всѣ они хранили тайну, въ особенности же Герритъ Кистъ, такъ что, однажды, его жена Нель Максъ [1]) сказала: „Герритъ, я терпѣть не могу, когда ты говоришь неправду".

Онъ самъ иногда порядкомъ дурачился и, между прочимъ, устроилъ слѣдующую шутку: 19-го или 20-го августа онъ купилъ себѣ сливъ на Горнѣ [2]) положилъ ихъ въ свою шляпу, взялъ ее подъ мышку и началъ ихъ ѣсть на улицѣ, проходя черезъ Даммъ [3]) къ Зейддейку; а за нимъ слѣдовала толпа мальчишекъ. Замѣтивъ нѣсколькихъ дѣтей, которыя ему по-

[1]) Т. е. она была урожденной Максъ. Нель (Neel)— сокращеніе имени Петронеллы.

[2]) Названіе части набережной Форъ-Зана.

[3]) Слово Dam вообще значитъ плотина. Въ Зандамѣ же это названіе носитъ спеціально та плотина со шлюзами, которая находится на рѣкѣ Занъ и дѣлитъ ее на двѣ части. Отъ рѣки и плотины городъ и получилъ свое названіе.

нравились, онъ сказалъ: „человѣчки, хотите сливъ"? и далъ имъ нѣсколько штукъ. Тогда подошли другіе и сказали: „господинъ, дай намъ тоже что-нибудь"; но онъ этого не хотѣлъ исполнить. Его, видимо, забавляло, что онъ часть дѣтей обрадовалъ, другихъ же волновалъ. Но нѣкоторые мальчуганы разсердились такъ сильно, что начали бросать въ него гнилыми яблоками и грушами, травою и разнымъ мусоромъ; болѣе того, одинъ мальчикъ на Зейддейкѣ попалъ ему въ спину даже камнемъ, который причинилъ ему боль, и это ужъ вывело его изъ терпѣнія. У шлюза на Горнѣ, наконецъ, комокъ земли съ травой попалъ ему прямо въ голову, а тогда онъ сильно разсердился и сказалъ: „развѣ здѣсь нѣтъ бургомистровъ, которые смотрѣли бы за порядкомъ"?

21-го августа онъ былъ въ кофейнѣ De drie Zvanen (Трехъ Лебедей). Нѣкій шкиперъ, который часто плавалъ въ Московію, стоялъ тутъ же на Даммѣ среди многихъ знатныхъ особъ и говорилъ: „я его отлично знаю и если только увижу, то ужъ скажу вашимъ благородіямъ, онъ ли это или нѣтъ". Затѣмъ шкиперъ вошелъ въ кофейню, увидѣлъ царя, который какъ разъ пилъ чай, вышелъ на улицу и сказалъ: „я знаю его отлично и ручаюсь вамъ жизнью, что это самъ царь".

Теперь скрытность другихъ уже не помогала. На многихъ это произвело сильное впе-

чатлѣніе, и они старались вести себя осторожнѣе въ присутствіи и вблизи великаго князя.

Того же 21-го августа, въ среду, вернулся на очередномъ амстердамскомъ суднѣ одинъ изъ бургомистровъ, а именно Алевейнъ Виллемсъ Іоръ, и узналъ отъ почетныхъ гражданъ о случившемся. Онъ распорядился сейчасъ о томъ, чтобы запретить посредствомъ публичнаго воззванія подобныя безчинства, и отправился съ этою цѣлью въ книжную лавку близъ Офертома [1]), чтобы написать тамъ объявленіе для деревенскаго глашатая. Встрѣтивъ тутъ въ домѣ члена управы, Яна Корнелисона Номена, онъ сообщилъ и ему о случившемся; а въ виду того, что это былъ случай, который могъ вызвать самыя прискорбныя и печальныя послѣдствія и не терпѣлъ отлагатель-

[1]) До 1718 г. въ Зандамѣ корабельныя верфи находились на Бинензанѣ. Мелкія суда проходили оттуда шлюзами въ Форзанъ, но большія нужно было перетаскивать черезъ плотину. Уже въ началѣ XVII ст. образовалась въ Зандамѣ особая компанія, которая за извѣстную плату занималась этимъ труднымъ дѣломъ. На особомъ мѣстѣ плотины, отдѣляющей Форзанъ отъ Бинензана, вышиною въ 7 футовъ и шириною въ 150, для того были устроены деревянныя настилки, блоки и пр., при помощи которыхъ поднимали корабли изъ Бинензана на плотину, перетаскивали ихъ черезъ нее и потомъ ужъ спускали въ Форзанъ. Мѣсто это находилось на западномъ берегу, т. е. въ Вестъ-Зандамѣ, и называлось Overtoom. См. A. Loosjes, Beschrijving van de Zaanlandsche dorpen. Haarlem, 1794; стр. 117—132.

ства, а требовалъ принятія всѣхъ возможныхъ мѣръ, то они совѣщались о содержаніи воззванія, которое надо было поручить глашатаю; вѣдь необходимо было при этомъ принять во вниманіе и то обстоятельство, что великій князь не желалъ, чтобы о немъ упоминали. Поэтому, они дали глашатаю публикацію слѣдующаго содержанія: „Бургомистры, узнавъ съ прискорбіемъ, что дерзкіе мальчишки осмѣлились бросать камнями и разною дрянью въ нѣкоторыхъ знатныхъ особъ, которыя здѣсь иностранцы, строжайше запрещаютъ это всѣмъ и каждому подъ угрозою наибольшаго наказанія, которое установлено, причемъ виновные будутъ выданы благородному господину бальи [1]. Пусть каждый будетъ предупрежденъ и остерегается позора и убытковъ“. Это выкрикивалъ деревенскій глашатай, ударяя въ мѣдный тазъ, по всѣмъ улицамъ, начиная отъ шлюза на Горнѣ, передъ и за Даммомъ, до реформатской церкви Креста, и на многихъ это произвело сильное впечатлѣніе.

Въ тотъ же вечеръ магистратъ поставилъ двухъ стражниковъ къ квартирѣ великаго государя, которые тамъ сторожили двѣнадцать ночей. Вечеромъ того же дня онъ былъ въ домѣ Корнелиса Михильса Калфа, который просилъ его остаться у него ужинать; но такъ какъ

[1]) Baljuw—судья по уголовнымъ дѣламъ. См. Loosjes, Beschrijving, стр.74.

туда собралось много почетныхъ лицъ, чтобы видѣть великаго князя, то онъ отказался отъ приглашенія, и тогда его угостили лишь вареньемъ и хорошими напитками. Тутъ присутствовали бургомистръ Алевейнъ Виллемсонъ Іоръ и членъ управы Класъ А. Блумъ, которые просили переводчика передать своему повелителю, что бургомистры покорнѣйше просятъ его оказать имъ честь и откушать съ ними рыбы по-зандамски. Но приглашеніе не было принято, и переводчикъ, между прочимъ, отвѣтилъ имъ: „у насъ здѣсь нѣтъ повелителя, нашъ повелитель еще пріѣдетъ“, подразумѣвая подъ этимъ, такъ по крайней мѣрѣ казалось, великое посольство.

Кажется, переводчикъ сообщилъ тоже царю, что Алевейнъ Іоръ одинъ изъ бургомистровъ; во всякомъ случаѣ, онъ посмотрѣлъ на Іора и снялъ свою шляпу, привѣтствуя его. Когда Іоръ и Блумъ удалились, пришелъ въ этотъ домъ членъ управы докторъ Класъ Корнелиссонъ Мелькпотъ; но что тамъ происходило, этого я не знаю.

Мейндертъ Арентсонъ Блумъ пригласилъ великаго князя поселиться со свитой въ его домѣ съ садомъ въ Остъ-Зандамѣ, такъ какъ тамъ было много удобныхъ помѣщеній, въ саду же много фруктовыхъ деревьевъ. На это ему отвѣтили: „нѣтъ, мы не знатные господа, а простые люди; поэтому будемъ довольствоваться нашей теперешней квартирой“.

Маляръ Виллемъ Гарменсонъ, послѣ долгаго торгу, продалъ великому князю лично (такъ какъ послѣднiй настолько владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ) свою гребную лодку за 40 гульденовъ съ придачею кружки пива. Затѣмъ они отправились въ гербергъ, который находился близъ Офертома въ домѣ Пита Гафера, и выпили тамъ это пиво.

Онъ купилъ также у Дирка Стоффельсона буеръ-яхту съ принадлежностями за 425 гульденовъ наличными деньгами. Принявъ эту яхту, онъ усердно работалъ надъ ней и собственными руками придѣлалъ бугшпритъ, вышедшiй такъ удачно, что тѣ, которые имѣли случай его видѣть, удивлялись тому, что такой знатный господинъ такъ усердно трудился въ потѣ лица и такъ искусно работалъ.

Молва обо всемъ этомъ распространилась скоро по всему нашему отечеству. На Амстердамской биржѣ всѣ интересовались этимъ, и люди ставили большiя деньги и бились объ закладъ, дѣйствительно-ли это великiй царь или же одинъ изъ его пословъ.

Чтобы узнать несомнѣнную правду, г. Гаутманъ (именитый купецъ, торговавшiй съ Московiей, жившiй даже самъ тамъ много лѣтъ и принимавшiй и угощавшiй неоднократно обѣдомъ великаго князя) обратился съ просьбой къ Якову Исбрантсу, т. е. амстердамскому маклеру, который много лѣтъ плавалъ шкиперомъ въ Московiю и часто угощалъ вели-

каго князя на своемъ кораблѣ, а потому хорошо его зналъ — не желаетъ ли онъ немедля, т. е. утромъ 22-го августа, поѣхать въ Зандамъ, чтобы взглянуть на ту особу, о которой теперь такъ много говорятъ. Съ этой цѣлью упомянутый маклеръ пріѣхалъ сюда, гдѣ увидѣлъ, дѣйствительно, его царское величество, и такъ какъ онъ хорошо узналъ царя, то они оба посмотрѣли другъ на друга, но Яковъ Исбрантсъ не посмѣлъ съ нимъ заговорить. Однакоже, это его такъ взволновало, что онъ, когда уходилъ, былъ блѣденъ, какъ мертвецъ, ноги его тряслись, окружавшимъ же его онъ сказалъ съ большимъ удивленіемъ: „это, конечно, великій князь, я не ошибся; но какими судьбами онъ здѣсь?“ Затѣмъ онъ уѣхалъ опять въ Амстердамъ, чтобы сообщить объ этомъ г. Гаутману. Послѣдній отправился въ Зандамъ въ тотъ же день послѣ обѣда съ судномъ, которое отходитъ въ два часа.

Онъ явился къ великому князю, чтобы засвидѣтельствовать ему великое и глубокое почтеніе, и сказалъ ему, между прочимъ, слѣдующее: „Ваше Мvропомазанное Величество, Вы ли это“? Онъ отвѣтилъ: „какъ видите“. Они долго бесѣдовали. Итакъ, всѣ сомнѣнія, его-ли царское величество это или нѣтъ, теперь сразу были разсѣяны.

Господинъ Де Іонгъ изъ Амстердама, который тоже хорошо зналъ царя, пріѣхалъ также навѣстить его. Съ глубокимъ благого-

вѣніемъ палъ онъ передъ нимъ на колѣни, называя его не иначе, какъ „Ваше Мѵропомазанное Величество“. Онъ имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ, однакожъ, не смѣлъ смотрѣть ему прямо въ лицо, хорошо зная, что это очень разсердило бы царя; вѣдь онъ терпѣть не могъ, чтобы смотрѣли ему прямо въ глаза. Былъ такой примѣръ:

Корнелисъ Альдертсонъ Блокъ (онъ же Корнелисъ Мартсенъ) посмотрѣлъ какъ то на улицѣ весьма дерзко царю прямо въ глаза; за это великій князь ударилъ его рукою по лицу, такъ что К. Мартсенъ почувствовалъ сильную боль и пристыженный убѣжалъ, между тѣмъ какъ надъ нимъ смѣялись: „браво, Марсье, ты пожалованъ въ рыцари“.

Вестъ-Зандамскіе бургомистры вторично почтительнѣйше просили его величество черезъ его переводчика удостоить ихъ чести отобѣдать у нихъ и получили отъ самаго великаго князя отвѣтъ: „право, не на этой недѣлѣ, а на слѣдующей“.

22-го августа, въ 4 часа утра, онъ, сопровождаемый немногими изъ свиты, отправился кататься на своей буеръ-яхтѣ по заливу Эй, и самъ правилъ рулемъ. За нимъ послѣдовали многія зандамскія буеръ-яхты. Остановившись на полдорогѣ между Амстердамомъ и Гарлемомъ [1]),

[1]) По голл.: Halfweg Amsterdam en Haarlem, т. е. мѣсто, находящееся на полудорогѣ между Амстердамомъ и Гарлемомъ.

онъ показалъ свое проворство и ловкость, перепрыгивая и перебѣгая красиво и легко черезъ нѣсколько буеровъ, чтобы скорѣе попасть на берегъ. Никто изъ присутствовавшихъ не могъ ему подражать, и, чтобы народъ его не видѣлъ, онъ только вечеромъ возвратился назадъ.

24-го Корнелись Михильсъ Калфъ велѣлъ перетащить свой корабль черезъ Офертомъ, чтобы доставить великому князю удовольствіе и показать ему, какъ это дѣлается; а чтобы собравшійся народъ ему не мѣшалъ, то, по распоряженію бургомистровъ, были сдѣланы деревянные барьеры: одинъ у дома Трейна Симонсона Бомса, другой за Даммомъ у дома Дирка Питерсона Поса, третій на Даммѣ у дома Корнелиса Финка, четвертый на мосту на улицѣ Даммпатъ и пятый у дома аптекаря Петра Финка, и у каждаго изъ нихъ было поставлено отъ трехъ до четырехъ сторожей, чтобы останавливать толпу и чтобы великій князь имѣлъ просторъ и могъ все видѣть подробно и удобно. Однако, всѣ эти старанія, которыя приложилъ магистратъ, достигли своей цѣли лишь на первыхъ порахъ. Изъ Амстердама и окрестныхъ деревень и мѣстечекъ собралось столько народу, что все здѣсь кишѣло людьми, и удержать ихъ за перилами оказалось невозможнымъ.

Еще за три дня на обоихъ Кримпенбурхскихъ мостахъ было поставлено, на каждомъ,

по три человѣка для стражи и, кромѣ того, стояли еще въ продолженіе одного дня три сторожа въ концѣ мостика, чтобы запретить людямъ проходъ; затѣмъ, два служителя бальи изъ округа Блоа и два служителя дроссарта [1]) изъ Кенемерланда охраняли днемъ квартиру его царскаго величества и дежурили на Геренвегѣ [2]) въ теченіе пяти дней.

Схаутъ [3]) И. Хекеръ, бургомистры Алевейнъ Виллемсъ Іоръ и Алевейнъ Классонъ Салмъ, члены управы Класъ Арентсонъ Блумъ и Класъ Корнелиссонъ Гротъ, докторъ Класъ Корнелиссонъ Мелькпотъ и секретарь В. Громмъ почтительнѣйше просили черезъ переводчика его величество пожаловать на перетаскиваніе корабля. Бургомистрамъ Іору и Салму онъ подалъ руку и отвѣтилъ: „сейчасъ, сейчасъ“; но затѣмъ, заглянувъ въ дверную щель и въ окно, онъ увидѣлъ собравшуюся толпу народа. Тогда бургомистры обѣщали черезъ переводчика провести его царское величество на его буеръ-яхтѣ обходной дорогой къ одному дому, гдѣ изъ сѣней все свободно было видно и гдѣ толпа его не могла стѣснять. Онъ на это согласился и, кажется, даже уже одѣлся, чтобы отправиться съ ними, но, посмотрѣвъ снова на большую толпу народа, онъ повторялъ: „слиш-

[1]) По голл. Drossaard, по нѣм. Drost—членъ уѣздной управы.

[2]) По голл. Heerenweg (господская улица).

[3]) По голл. Schout — участковый судья.

комъ много народу, слишкомъ много народу"! и вдругъ захлопнулъ дверь своей царской квартиры. Члены магистрата остались ни съ чѣмъ и могли отправиться гулять, что и сдѣлали безъ дальнѣйшихъ разговоровъ.

Корабль перетащили черезъ Офертомъ, и тысячи людей прiѣзжали напрасно.

Въ воскресенье, 25-го, въ часъ пополудни, онъ уѣхалъ на своей буеръ-яхтѣ со многими изъ своей свиты въ Амстердамъ. Дулъ сильный вѣтеръ, онъ лично, поднялъ паруса на фокъ-мачтѣ и побѣжалъ опять къ рулю, такъ какъ самъ былъ рулевымъ; грозила большая опасность, такъ какъ буеръ могъ опрокинуться вслѣдствiе того, что шверцы, у которыхъ оборвался канатъ, болтались; а они оставили ихъ такъ висѣть, и всѣ опытные въ этомъ дѣлѣ, которые встрѣтились съ ними дорогою и замѣчали это, были того мнѣнiя, что эти люди находились въ большой опасности.

Но они все-таки прибыли благополучно къ старому городскому гербергу [1]) въ Амстердамѣ. Здѣсь встрѣтило царя множество людей, которые безцеремонно смотрѣли ему прямо въ лицо. За это они имъ и его свитою были „пожалованы въ рыцари", какъ вышеупомянутый Корнелисъ Мартсенъ; у многихъ пошла кровь изо рта

[1]) Oude stadsherberg—домъ, выстроенный въ 1613 г. городомъ Амстердамомъ на берегу Эй, для людей, прiѣзжавшихъ на корабляхъ ночью, послѣ того какъ запрутъ городскiя ворота.

и носа. Онъ остановился въ старомъ Геренъ-ложементѣ [1]), гдѣ помѣстилось его великое посольство и еще другіе князья его государства.

29-го, въ 9 часовъ вечера, въ честь его былъ сожженъ очень дорогой и замѣчательный фейерверкъ на Биннецъ-Амстелѣ у Колвенирсъ-Дулена [2]) передъ мостомъ, который называется Halvemaansbrug (мостъ Полумѣсяца); говорятъ, что этотъ фейерверкъ стоилъ 10.000 гульденовъ. Собралось столько народу, что произошла страшная давка. На второмъ мосту, считая отъ Дулена, т. е. на мосту у Ресланда [3]), разорвали цѣпи, на которыхъ держались

[1]) Oudezijds Heerenlogement (господская гостинница)—городское зданіе, назначенное для пріема и пребыванія высокопоставленныхъ и владѣтельныхъ гостей Амстердама.

[2]) Doelen—общее названіе собраній стрѣлковыхъ гильдій (schutterij), которыя существовали до конца XVI ст. во всѣхъ голландскихъ городахъ. Одна изъ амстердамскихъ стрѣлковыхъ гильдій носила названіе Kolveniersschutters (Kolvenier или Klovenier—человѣкъ, вооруженный kolf, т. е. палицею). По упраздненіи этихъ гильдій собранія ихъ преобразованы были, большею частью, въ гостинницы.

[3]) Упомянутый здѣсь амстердамскій мостъ находится у площади, которая носитъ названіе „Rusland“. Въ этомъ названіи звучитъ слово „Россія“; но послѣдняя не имѣетъ ничего общаго съ Ресландомъ. Амстердамскій историкъ И. Теръ-Гау высказалъ мнѣніе, что мостъ и площадь получили свое названіе отъ сосѣдняго монастыря св. Урсулы и что слово Урсулаландъ въ теченіи времени преобразовалось въ Ресландъ. См.

перила; многіе упали въ Бурхвалъ [1]), и нѣкоторые утонули. Черезъ день или два я самъ видѣлъ, что верхній край крѣпкихъ желѣзныхъ перилъ моста Полумѣсяца отъ напора народа былъ выгнутъ почти на футъ.

Онъ желалъ еще въ тотъ же вечеръ уѣхать въ Зандамъ, не смотря на то, что его отговаривали отъ этого князья и вельможи его государства, а также бургомистры Амстердама, указывавшіе ему на опасность поѣздки; но ничего не помогло: онъ торопился въ Зандамъ. По приказанію бургомистровъ принесли изъ ратуши ключи, отперли и спустили мостъ у стараго городского герберга, и въ 11 часовъ вечера онъ выѣхалъ съ маленькой свитой на своей буеръ-яхтѣ, а въ часъ по полуночи прибылъ благополучно въ Зандамъ [2]).

30-го числа онъ возвратился со своей свитой и со своимъ багажемъ въ Амстердамъ.

J. Ter-Gouw, Amsterdam, oorsprong van de namen der grachten etc. 1859, pag 40. Но мнѣніе Теръ-Гау едва-ли заслуживаетъ довѣрія. Въ настоящее время полагаютъ, что площадь и мостъ получили свое названіе отъ фамиліи Рейсъ (Ruysch), представители которой долгое время владѣли усадьбою около этой площади. (Свѣдѣнія эти собраны при любезномъ содѣйствіи г. В. Роша въ Гагѣ).

[1]) Kloveniers-Burgwal — каналъ, который впадаетъ въ р. Амстель.

[2]) 19/29-го августа состоялось опредѣленіе директоровъ Остъ-Индской компаніи въ Амстердамѣ заложить новый фрегатъ и пригласить царя на верфь уча-

Своему хозяину Герриту Кисту онъ крайне скупо заплатилъ за квартиру; женщинѣ же, которая занимала заднюю комнату и уступила ее великому князю (а сама пошла жить къ своему отцу), онъ далъ за это всего семь гульденовъ.

Пріѣхавъ на своемъ буерѣ въ Амстердамъ, онъ причалилъ къ Остъ-Индской верфи и выгрузилъ тутъ же свой багажъ.

Директора Остъ-Индской компаніи пригласили его царское величество работать и спокойно жить на ихъ верфи. На этой закрытой площади онъ былъ защищенъ отъ любопытства народа. Здѣсь ему представился случай участвовать при сооруженіи судна въ сто футовъ длиной. Онъ принялся за дѣло и выразилъ желаніе, чтобы его здѣсь называли Pieter timmerman van Zaandam (Питеръ, плотникъ зандамскій).

Одинъ правдивый амстердамскій торговецъ разсказывалъ мнѣ, что какой то купецъ въ Амстердамѣ пожелалъ видѣть великаго князя за работой и поэтому обратился къ корабельному мастеру верфи съ просьбою, чтобы тотъ допустилъ его и далъ ему возможность удовлетворить свое любопытство. Его просьба была исполнена, но чтобы онъ навѣрное узналъ

ствовать при сооруженіи судна. Узнавъ объ этомъ рѣшеніи, царь поспѣшилъ въ Зандамъ за своими инструментами, чтобы на другой же день немедленно приняться за дѣло. Устряловъ, III, стр. 72.

великаго князя, мастеръ предупредилъ его, что тотъ, кому онъ скажетъ: „Питеръ, плотникъ зандамскій, сдѣлай это или то“, и есть великій князь. Любопытный купецъ посѣтилъ верфь и видѣлъ, какъ нѣсколько рабочихъ несли тяжелое бревно; вдругъ мастеръ крикнулъ: „Питеръ, плотникъ зандамскій, что же ты не пособишь нести этимъ людямъ“? Онъ сейчасъ же послушался, подбѣжалъ къ нимъ, подставилъ плечо подъ дерево и понесъ его вмѣстѣ съ другими плотниками на назначенное мѣсто, къ великому удивленію зрителя.

Разъ провинился его священникъ; говорятъ, что онъ выпилъ лишнее. Въ наказаніе за это великій князь приказалъ ему отправиться на канатный дворъ Остъ-Индской компаніи и крутить тамъ канаты. Вслѣдствіе этого онъ стеръ на рукахъ кожу, что, конечно, причиняло сильную боль такому человѣку, руки котораго имѣли нѣжную кожу и не привыкли къ подобной работѣ. Онъ показалъ своему государю свои жалкія руки, горько жаловался на боль и покорнѣйше просилъ освободить его отъ этой, причиняющей страданія, работы. На это послѣдовалъ отвѣтъ: „не бѣда, ступай на работу“; итакъ, онъ долженъ былъ работать еще нѣсколько дней, не смотря на то, что руки были повреждены.

Одинъ князь и одинъ вельможа его государства говорили съ царемъ, по его мнѣнію, слишкомъ смѣло; они, какъ передаютъ, совѣ-

товали ему и уговаривали его побольше думать о своей славѣ и репутаціи. Но онъ за это такъ сильно разсердился, что велѣлъ обоихъ заковать въ кандалы и посадилъ ихъ подъ арестъ въ старый Геренъ-ложементъ въ Амстердамѣ, рѣшивъ отрубить имъ головы; но бургомистры Амстердама объяснили ему, что въ нашемъ государствѣ этого сдѣлать нельзя. Они приводили разные доводы, стараясь отговорить его отъ исполненія этого жестокаго намѣренія, и убѣждали его освободить вышеупомянутыхъ князя и вельможу. Однако, они достигли лишь того, что онъ повелѣлъ одному отправиться въ Остъ-Индію, а другому въ Суринамъ, и, говорятъ, это, въ самомъ дѣлѣ, было исполнено. Кажется, у этого государя очень суровый нравъ; впрочемъ, и лицо у него весьма суровое.

Одинъ правдивый шкиперъ изъ Акерслота, предпринимавшій въ теченіе многихъ лѣтъ плаванія въ Московію, разсказывалъ здѣсь въ Зандамѣ, что онъ самъ видѣлъ въ Московіи, какъ его царское величество собственноручно отрубилъ топоромъ на плахѣ голову одному человѣку.

2-го сентября увѣдомили его царское величество о томъ, что на слѣдующій день въ Зандамѣ будутъ перетаскивать черезъ Офертомъ судно, и пригласили его присутствовать. Между тѣмъ, распространяли слухъ, что его не будетъ; это дѣлали нарочно для того,

чтобы не знали о предстоящемъ его пріѣздѣ, надѣясь, что тогда наплывъ народа изъ окрестныхъ деревень и мѣстечекъ не будетъ такъ великъ, какъ 24-го августа.

3-го сентября пріѣхалъ великій князь на своей буеръ-яхтѣ сюда, въ Зандамъ, и причалилъ у Зейддейка къ верфи тяжущихся наслѣдниковъ покойнаго Класа Гарбрандса. Онъ пошелъ къ Офертому и осмотрѣлъ внимательно большой блокъ и канаты, при помощи которыхъ перетаскиваютъ корабли черезъ Офертомъ. Отсюда онъ отправился къ высокому Зедейку къ Гендрику фанъ де Зану и, далѣе, ко вдовѣ Якова Корнелиссона Омеса, купилъ здѣсь разные плотничные инструменты, положилъ ихъ въ тачку и повезъ ее. Когда онъ подошелъ къ Офертому, рабочіе подняли тачку съ плотничьими инструментами и перенесли ее черезъ канаты на плотину. Затѣмъ русскіе повезли ее дальше до буйеръ-яхты, на которую ее и поставили.

Въ то время, когда великій князь находился въ домѣ вдовы Я. К. Омеса, туда собралось довольно много народа, чтобы его видѣть. Онъ все время ходилъ по лавкѣ и осматривалъ разные инструменты; но любопытные не смѣли подходить къ нему слишкомъ близко. Янъ же Г. Кроненбурхъ и Янъ Якобсонъ Номенъ, которые, кажется, подошли къ нему слишкомъ близко и смотрѣли на него не стѣсняясь, должны были оба оставить домъ.

Между тѣмъ, на дорогѣ, по которой шелъ царь, собралось много народа. Его царское величество — человѣкъ высокаго роста, статный, крѣпкаго тѣлосложенія, подвижной, ловкій; лицо у него круглое, со строгимъ выраженіемъ, брови темныя, волосы короткіе, кудрявые и темноватые. На немъ былъ надѣтъ саржевый инноцентъ, т. е. кафтанъ, красная рубашка и войлочная шляпа. Онъ шелъ быстро, размахивая руками, и въ каждой изъ нихъ держалъ по новому топорищу. Такимъ видѣли его тысячи людей, а также моя жена и дочь.

Возвратясь къ Офертому, онъ, вторично, съ особеннымъ вниманіемъ осмотрѣлъ, какъ производится перетаскиваніе судовъ, и отсюда пошелъ къ своей буеръ-яхтѣ, намочилъ паруса, сталъ опять у руля и, по обыкновенію, выѣхалъ рулевымъ въ Амстердамъ, не дождавшись окончанія перевозки корабля черезъ Офертомъ.

5-го сентября пріѣхали сюда, въ Вестъ-Зандамъ, три лица, принадлежавшія къ великому посольству; двое изъ прибывшихъ были опредѣлены къ Герриту Янсону Стюрману для изученія мачтоваго дѣла, а третій къ Паувельсу Тейвиссону для изученія ботоваго дѣла. Ихъ переводчикъ сказалъ Паувельсу Тейвиссону: „ты долженъ хорошо обращаться съ этимъ господиномъ, такъ какъ онъ одинъ изъ самыхъ знатныхъ лицъ, именно князь изъ Мос-

ковіи". Одинъ изъ двухъ вышеупомянутыхъ зналъ немного по-голландски и сказалъ переводчику по-русски: „напрасно ты сообщаешь объ этомъ, вѣдь такимъ образомъ станетъ извѣстно, что онъ князь". Переводчикъ, не предполагая или не зная, что здѣсь, въ Зандамѣ, кто-либо понимаетъ и говоритъ по-русски, отвѣтилъ на томъ-же языкѣ: „ну это нисколько не повредитъ этому господину, по крайней мѣрѣ теперь будутъ знать, какая онъ важная особа, и будутъ его больше почитать и уважать, а мастеръ ботоваго дѣла будетъ съ нимъ лучше обращаться" [1]. То, что я здѣсь сообщилъ, передалъ мнѣ лично Янъ П. Бруръ,

[1]) 31-го августа 1697 г. Петръ Вел. писалъ изъ Амстердама къ князю Ѳ. Ю. Ромодановскому о волонтерахъ, что они всѣ „разданы по мѣстомъ", а именно десять изъ нихъ остались при царѣ на Остъ-Индской верфи, изъ остальныхъ были отданы „Александро Кикинъ, Степанъ Васильевъ—машты дѣлать.... Алексѣй Борисовъ (т. е. князь Голицынъ), Савва Уваровъ—къ ботовому дѣлу". (Письма и Бумаги Петра В. I, 187). На основаніи этихъ данныхъ можно предположить, что ученики Геррита Янсона были А. Кикинъ и С. Васильевъ; ученикъ П. Тейвиса — князь А. Голицынъ. Относительно послѣдняго должно однакожъ вызвать сомнѣніе то обстоятельство, что Номенъ далѣе передаетъ (см. стр. 55), что князь-ученикъ ѣздилъ разъ навѣстить своего брата въ Утрехтѣ, который учился тамъ пиротехникѣ. Въ числѣ волонтеровъ брата князя Алексѣя Борисовича Голицына не было; съ другой стороны, трудно сказать, учился-ли дѣйствительно одинъ изъ волонтеровъ въ Утрехтѣ, и кто именно.

который былъ свидѣтелемъ этого разговора; онъ понималъ и даже кое-какъ говорилъ по-русски, такъ какъ 19 лѣтъ прожилъ въ Московіи, занимаясь тамъ торговыми дѣлами.

9-го числа вышеупомянутыя лица пріѣхали сюда, въ Вестъ-Зандамъ, съ своимъ багажемъ, поселились въ домахъ мѣстныхъ обывателей и приступили къ работѣ. Въ началѣ они всѣ, и особенно первые два, жаловались на сильную боль въ рукахъ, а это, собственно, было понятно, такъ какъ руки ихъ были мягки, какъ шелкъ, и не привыкли къ такой работѣ; но со временемъ и это уладилось.

Герритъ Янсонъ Стюрманъ разсказалъ намъ, что, однажды, великій князь навѣстилъ на верфи этихъ учениковъ мачтоваго дѣла, самъ взялъ плотничій топоръ и работалъ имъ не хуже любого мачтоваго мастера.

11-го числа его царское величество имѣлъ въ Утрехтѣ свиданіе съ Вильгельмомъ, королемъ Англійскимъ. Тамъ, въ отдѣльной комнатѣ, они вели длинную бесѣду, продолжавшуюся, говорятъ, два или два съ половиною часа; затѣмъ они очень любезно разстались.

Нѣсколько дней спустя, его царское величество отправился на о. Тессель на яхтѣ Остъ-Индской компаніи, въ сопровожденіи нѣсколькихъ знатныхъ господъ. Тамъ онъ посадилъ на корабль одного князя изъ Московіи, котораго посылалъ въ Остъ-Индію, и одного знатнаго господина, отправляемаго въ Суринамъ.

Это были именно тѣ два вельможи, которые сидѣли такъ долго въ кандалахъ въ старомъ Геренъ-ложементѣ, и о которыхъ я говорилъ выше [1]).

28-го числа, когда царь былъ на о. Тесселѣ и въ Гельдерѣ, прибыли съ Божьей помощью благополучно корабли изъ Гренландіи съ хорошимъ уловомъ; большая часть изъ нихъ вошла во Фли, а остальные въ Тессель. Дулъ сильный сѣверо-западный вѣтеръ, и, говорятъ, что съ кораблями легко могло-бы случиться несчастіе, если-бы они пришли тремя часами позже, такъ какъ тогда приливъ какъ разъ ужъ кончился-бы.

Его царское величество наблюдалъ съ удивленіемъ и удовольствіемъ, какъ корабли въ такую бурю входили въ Тессель.

Благодаря прибыли воды, многіе изъ этихъ кораблей пришли, не останавливаясь, изъ Тесселя и Фли съ полнымъ грузомъ сюда въ Керкракъ и Форзанъ, гдѣ причалились къ верфямъ и остались зимовать, къ удивленію зандамскихъ жителей, такъ какъ никто не запомнилъ, чтобы это прежде случалось когда-либо.

---

[1]) „Сентября въ 14 день.... сказанъ его В. Г-ря указъ князь Ивану Степанову сыну Шаховскому, да Александру Алексѣевичу сыну Левонтьеву, чтобъ они для ученія ѣхали въ Астиндію, а князь Тимофею Шаховскому велѣно ѣхать въ Восточную Астиндію“, Памятники дипл. снош. VIII, стр. 945.

Разъ великій князь съ немногими изъ своей свиты катался по Эй для своего удовольствія въ ботикѣ, купленномъ у маляра Виллема Гарменсона за 40 гульденовъ и кружку пива. Онъ плылъ мимо верфи и магазина Адмиралтейства по направленію къ юго-востоку отъ Амстердама, а за нимъ слѣдовало много другихъ ботиковъ и лодокъ, чтобы видѣть его; но многіе изъ нихъ слишкомъ близко подплывали къ нему, и это вызвало его неудовольствіе. Онъ началъ скорѣе грести, направляясь къ высокому Зедейку, перетащилъ тамъ ботикъ и поѣхалъ по Бинненъ-Амстелю въ городъ. Любопытнымъ же пришлось воротиться.

Былъ и такой случай: великій князь катался на парусахъ на своей буеръ-яхтѣ здѣсь по Керкраку, а по близости находилось одно изъ нашихъ амстердамскихъ пассажирскихъ судовъ, гдѣ на палубѣ собралось много людей, горѣвшихъ желаніемъ видѣть царя. На суднѣ присутствовали, между прочими, Квинтейнъ Куненъ, Остъ-Зандамскій схаутъ и, кажется, нѣкоторыя почтенныя дамы. Судно это подошло слишкомъ близко къ царю, а онъ, желая отдѣлаться отъ назойливости любопытныхъ, схватилъ двѣ пустыя бутылки и бросилъ ихъ, одну за другой, на пассажирское судно прямо въ толпу, но, къ счастью, никого не задѣлъ.

Въ субботу [20-го сентября] бургомистры Амстердама поручили многимъ маклерамъ [1]) сообщить (не какъ предписаніе или просьбу, а просто въ формѣ увѣдомленія) шкиперамъ, стоявшимъ со своими судами на рѣкѣ, что ихъ высокоблагородіямъ будетъ очень пріятно, если на другой день, т. е. въ воскресенье, въ 8 часовъ утра, всѣ подымутъ свои флаги и вымпела. (Этимъ они, конечно, доказали какъ мало, къ сожалѣнію, они заботились о почитаніи воскресенья). Они предполагали въ назначенный день доставить его царскому величеству удовольствіе и устроить для него катанье на городской яхтѣ по Эй мимо города Амстердама и дальше, въ сопровожденіи многихъ большихъ и маленькихъ яхтъ, находившихся въ городѣ. Прогулка эта состоялась. О приготовленіяхъ заблаговременно узнали въ Зандамѣ, и поэтому буеръ-яхтъ участвовало въ прогулкѣ столько, что зрители могли любоваться очень живописной картиной. Пріѣхало столько яхтъ, что онѣ неоднократно сталкивались. Сколько тогда было осушено бутылокъ! Но всѣ старались держаться на извѣстномъ разстояніи отъ великаго князя, во избѣжаніе недоразумѣній, которыя, какъ онъ уже доказалъ, могли бы иначе случиться.

Его царское величество и всю его свиту содержали на общій счетъ государства и го-

[1]) См. Scheltema, Rusland en de Ned. II, pag. 212.

ворятъ, что бургомистръ Николай Витсенъ въ Амстердамѣ получилъ для этой цѣли изъ казначейства наличными деньгами сто пятьдесятъ тысячъ гульденовъ. Если столько израсходовано въ одномъ Амстердамѣ [1]), то, въ общемъ, не дешево обошелся этотъ гость нашей странѣ.

5-го октября [2]) состоялась аудiенцiя его великаго посольства у господъ генеральныхъ штатовъ.

Великiй князь желалъ незамѣтно присутствовать на аудiенцiи и съ этой цѣлью поѣхалъ въ Гагу. Но какъ странно онъ велъ себя дорогой и въ самой Гагѣ, видно изъ нижеслѣдующаго.

Фанъ деръ Гейде младшiй [3]), мастеръ пожарныхъ насосовъ въ Амстердамѣ, разсказы-

---

[1]) Нѣкоторыя статьи расходовъ, вызванныхъ пребыванiемъ великаго посольства въ Амстердамѣ, напечаталъ П. Схелтема по подлиннымъ бумагамъ городского казначейства. См. его сборникъ: Aemstel's oudheid (Амстердамская старина) VI, стр. 240—246: Extraordinaris onkosten, ter zake van het Moskovische gezantschap in de jaren 1697 en 1698, overgenomen uit het memoriaal van de Thesaurie.

[2]) $\frac{\text{25 сентября}}{\text{5 октября}}$ „Сентября 25 числа великiе и полном. послы были у Галанскихъ Статовъ на прiѣздѣ". Пам. дипл. снош. VIII, 976.—См. тоже: М. А. Веневитиновъ, Русскiе въ Голландiи. Москва, 1897, стр. 90.

[3]) Фанъ деръ Гейде, отецъ и сынъ, извѣстные въ свое время голландскiе механики. Петръ Вел. бывалъ

валъ въ нашей деревенской ратушѣ въ Вестъ-Зандамѣ въ собраніи магистрата, что самъ г. Витсенъ сообщилъ ему слѣдующее, увѣряя, что все это дѣйствительно случилось:

Великій князь, бургомистръ Николай Витсенъ [1]) и еще два лица сѣли въ Амстердамѣ въ коляску, чтобы ѣхать въ Гагу; но царь захотѣлъ посадить съ собой еще своего карлика. Упомянутыя выше лица возразили ему, что тогда будетъ слишкомъ тѣсно; но онъ отвѣтилъ: „въ такомъ случаѣ, пусть онъ сядетъ ко мнѣ на колѣни“, такъ что пришлось взять карлика. Царь выразилъ желаніе ѣхать не прямо черезъ городъ, а кругомъ и, замѣчая по дорогѣ много мельницъ, справлялся о назначеніи каждой изъ нихъ. Подъѣзжая къ мельницѣ для шлифовки камней, онъ спросилъ: „что это за мельница?“ Получивъ объясненіе, онъ сказалъ: „это я хочу видѣть“. Коляску остановили, но оказалось, что мельница не работала и никого тамъ не было. Послали

въ ихъ мастерской въ Амстердамѣ. Scheltema, Rusl. en Nederl. II, 221, 222.

[1]) Автобіографію знаменитаго автора книги „Noord- en Ost-Tartarye“ напечаталъ П. Схелтема въ сборникѣ Aemstel's oudh. VI, стр. 41—61. Біографію его составилъ J. F. Gebhard (Utrecht, 1881). О запискахъ, составленныхъ имъ о его пребываніи въ Россіи въ 1675 г., см. A. Kluyver, Over het verblijf van N. Witsen te Moskau, 1664—65, (Verslagen der Koninklijke Akademie XI. Amst. 1895, стр. 5—38).

за мастеромъ; но его не могли найти такъ скоро, и потому поѣхали дальше. На Гарлемской дорогѣ онъ увидѣлъ маленькую водяную мельницу, спросилъ: „что это такое,“ и, выслушавъ объясненіе, сказалъ: „я хочу ее осмотрѣть“. Его спутники увѣряли, что онъ промочитъ себѣ тамъ ноги, такъ какъ мѣсто было болотисто; но не смотря на это, пришлось остановиться. Онъ отправился къ мельницѣ; а на дорогѣ оказалось столько воды, что онъ, пройдя нѣсколько шаговъ, долженъ былъ вернуться съ мокрыми ногами. Подъѣзжая къ Гарлему, онъ сказалъ: „я не хочу ѣхать черезъ городъ“. Бургомистръ Витсенъ объяснилъ ему, что другой дороги нѣтъ. На шеѣ у него былъ платокъ бургомистра Витсена, а лицо онъ закрылъ своимъ плащемъ, и такимъ образомъ они ѣхали черезъ городъ.

Вскорѣ послѣ того они проѣзжали мимо большого, прекрасно устроеннаго имѣнія. Онъ спросилъ: „кому оно принадлежитъ?“ Витсенъ отвѣтилъ, что хозяинъ этой усадьбы амстердамскій купецъ. Онъ сказалъ: „я хочу ее осмотрѣть“. Тогда спросили разрѣшенія и хозяинъ согласился на это; но царь потребовалъ, чтобы всѣ люди удалились изъ дома. Витсенъ отвѣтилъ: „я постараюсь это устроить, но приказать имъ не могу, такъ какъ хозяинъ и хозяйка сами находятся въ домѣ“. Изъ уваженія къ бургомистру хозяева, дѣйствительно,

удалились на время. Царь осмотрѣлъ постройки и усадьбу и затѣмъ поѣхали дальше.

При спускѣ на паромъ коляска получила толчекъ, вслѣдствіе чего онъ спросилъ: „это что такое?“ Когда ему объяснили, что это переправа, онъ сказалъ: „это я хочу посмотрѣть“... Наступилъ уже темный вечеръ, такъ что пришлось зажечь фонарь, и онъ измѣрялъ длину, ширину и вышину парома, пока свѣчка не погасла отъ вѣтра. Тогда они продолжали путь.

Въ 11 часовъ вечера пріѣхали въ Гагу, остановились въ квартирѣ Амстердамскихъ господъ [1]), и на его вопросъ: „гдѣ я буду спать?“ ввели его въ красивую комнату съ удобной кроватью; но онъ поднялся по лѣстницѣ, вошелъ въ комнату, гдѣ стояла постель служанки и объявилъ: „тутъ я хочу спать“.

---

[1]) Т. е. въ домѣ Амстердамскихъ членовъ генеральныхъ штатовъ. Послѣдніе засѣдали въ Гагѣ и каждый голландскій городъ нанималъ или имѣлъ тамъ свой домъ, въ которомъ останавливались его граждане, состоявшіе членами генеральныхъ штатовъ. Членамъ штатовъ даже запрещалось останавливаться и обѣдать въ гостинницахъ или, вообще, въ домахъ, бравшихъ плату и открытыхъ для всякаго. Городъ Амстердамъ выстроилъ въ 1676 г. для своихъ депутатовъ въ центрѣ города, на площади De Plein, роскошное зданіе, которое сохранилось по нынѣ, и гдѣ до 1903 г. помѣщался Государственный архивъ. Въ этомъ домѣ предложили остановиться Петру Великому.

Нѣсколько минутъ спустя, онъ сказалъ: „хочу отправиться къ моему великому посольству“, и, хотя его уговаривали остаться, ничто не помогло: не смотря на то, что было уже 12 часовъ ночи, запрягли коляску и отвезли его въ Дуленъ, гдѣ помѣщалось его великое посольство. Тутъ онъ опять спросилъ: „гдѣ я буду спать?“ Ему показали хорошую кровать, но онъ пробѣжалъ по всѣмъ комнатамъ, наткнулся, наконецъ, на грязнаго простого слугу, который спалъ на медвѣжьей шкурѣ, толкнулъ его и крикнулъ: „вставай, вставай!“ Русскій проснулся, но не успѣлъ еще опомниться отъ сна, какъ великій князь уже крикнулъ снова: „вставай, вставай, тутъ я хочу спать“. Простой московитянинъ понялъ, наконецъ, кто собственно его такъ безцеремонно будитъ и поторопился оставить свою медвѣжью шкуру.

На этой медвѣжьей шкурѣ расположился его царское величество, чтобы провести ночь. На другой день онъ пожелалъ видѣть аудіенцію, назначенную его великому посольству г.г. генеральными штатами, и съ этой цѣлью присутствовалъ инкогнито въ сосѣдней комнатѣ. Сидѣть въ ней ему, однако, скоро надоѣло и онъ сказалъ бургомистру Витсену, что пріемъ слишкомъ долго продолжается и что онъ желаетъ уйти, но не хочетъ, чтобы г.г. члены генеральныхъ штатовъ его видѣли, вслѣдствіе чего и требуетъ, чтобы они отвернулись. Витсенъ отвѣтилъ, что онъ этимъ

господамъ предписывать ничего не можетъ, такъ какъ они представители страны, но что онъ передастъ имъ, въ чемъ дѣло. Такъ онъ и сдѣлалъ и возвратился съ отвѣтомъ, что господа штаты согласны встать, повертываться же къ царю спиной не намѣрены. Въ этотъ день на его величествѣ былъ большой парикъ; имъ онъ закрылъ себѣ лицо и быстро выбѣжалъ изъ комнаты.

Вотъ все, что разсказалъ Фанъ деръ Гейде младшій.

Вышеупомянутые ученики ботоваго и мачтоваго дѣла и нѣкоторые другіе московитяне наняли у Дирка Классона Гейнеса, недалеко отъ Финкепада [1]), „каменную комнату“ т. е. заднее помѣщеніе дома, въ которомъ жилъ и схаутъ П. фанъ Бекестейнъ.

Тамъ они поселились всѣ вмѣстѣ и держали своего собственнаго грязнаго повара и музыканта; послѣдній, говорятъ, хорошо игралъ. Ученики мачтоваго дѣла потомъ уѣхали и занимались на мачтовой верфи адмиралтейства въ Амстердамѣ, а князь-мастеръ ботоваго дѣла ѣздилъ разъ въ Утрехтъ [2]), чтобы навѣстить своего брата, который учился тамъ пиротехникѣ.

[1]) Названіе улицы въ Зандамѣ.

[2]) См. стр. 45 прим.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, во время Зандамскаго кермиса [1]), его царское величество пріѣзжалъ сюда, чтобы навѣстить своихъ людей. Онъ прошелъ по рядамъ лавочекъ, выстроенныхъ по случаю кермиса, и остановился у своихъ подданныхъ въ упомянутой каменной комнатѣ, гдѣ его отлично угощали. Черезъ два или три дня онъ уѣхалъ въ Амстердамъ на своей буеръ-яхтѣ, которая стояла здѣсь у Остер-каттегата [2]). До отъѣзда онъ еще разъ ходилъ на одну изъ лѣсопильныхъ мельницъ и осматривалъ ее подробно, причемъ онъ своими собственными руками спустилъ тормазъ и такимъ образомъ остановилъ мельницу; затѣмъ онъ опять поднялъ его и пустилъ мельницу въ ходъ.

Еслибъ мы захотѣли описывать всѣ выдумки и странныя затѣи, которыми онъ тѣшился здѣсь, въ Амстердамѣ и, вообще, въ нашемъ отечествѣ, то пришлось бы исписать еще много бумаги.

1698 г.

19-го января великій князь уѣхалъ въ Англію со свитой, состоявшей изъ девяти или

---

[1]) Слово kermis обозначаетъ, собствено, храмовой праздникъ, но ужъ давно употребляется какъ общее названіе тѣхъ народныхъ гуляній, которыя ежегодно устраиваются въ каждомъ голландскомъ городѣ или деревнѣ.

[2]) Полуостровъ въ Форзанѣ.

десяти лицъ, и послѣ очень счастливаго плаванія благополучно достигъ Лондона [1]), гдѣ въ верхней палатѣ инкогнито видѣлъ короля Вильгельма, сидящаго на престолѣ въ королевскомъ одѣяніи съ короной [2]) на головѣ; сюда явились и лорды въ своихъ роскошныхъ костюмахъ съ коронками на головахъ.

Затѣмъ онъ осматривалъ нижнюю палату и, вообще, всѣ достопримѣчательности и рѣдкости. Онъ имѣлъ и особое свиданіе съ королемъ Вильгельмомъ [3]); говорятъ, что эту зиму онъ будетъ путешествовать по Англіи.

4-го февраля пріѣзжалъ сюда въ Зандамъ по льду, на тройкѣ, въ саняхъ, одинъ изъ его пословъ. При немъ находился какой-то молодой князь, священникъ съ длинной бородой и нѣкоторыя другія лица. Они остановились у своихъ земляковъ въ вышеупомянутой каменной комнатѣ; тамъ они изрядно веселились, хорошо ѣли и пили и до полуночи заставляли играть музыканта.

---

[1]) Петръ выѣхалъ изъ Амстердама 7/17 января а 9/19 января снялся съ якоря въ голландской гавани Гелфутслейсъ. Юрналъ 206 г. у Устрялова, III, 601.

[2]) Корреспондентъ генеральныхъ штатовъ въ Лондонѣ писалъ 14/24 января: Le czar a eu la curiosité de voir le roy sur son throne et est allé incognito dans la chambre des seigneurs. Гос. арх. въ Гагѣ.

[3]) Король посѣтилъ Петра В. 14/24 янв., царь былъ у короля $\frac{\text{23 января}}{\text{2 февраля}}$. Юрналъ. Устряловъ III, 602.

5-го числа упомянутый посолъ отправился съ двумя или тремя лицами изъ своей свиты по Геренвегу въ домъ Мейндерта Арентсона [Блума], гдѣ имъ подавали хорошій чай и разныя другія угощенія.

6-го числа они уѣхали на лошадяхъ и въ саняхъ въ Амстердамъ по высокому Зедейку, такъ какъ была сильная оттепель.

Упомянутый молодой князь спалъ въ домѣ Мейндерта Арентсона двѣ ночи на одной кровати съ Эйсбрантомъ Корнелиссономъ Блекеромъ.

Этотъ молодой князь и нѣкоторые другіе московитяне очень полюбили Эйсбранта Корнелиссона Блекера и оказывали ему много уваженія и любви, потому что у князя въ Московіи былъ молодой братъ, который лицомъ и станомъ такъ походилъ на Блекера, точно это было одно и то же лицо.

Московитяне, которые еще оставались здѣсь, пользовались зимнимъ временемъ и усердно учились кататься наونькахъ по льду, причемъ они неоднократно падали и сильно ушибались. А такъ какъ они, по неосторожности, иногда катались и по тонкому льду, то нѣкоторые изъ нихъ проваливались въ воду по шею. Между тѣмъ, они отлично переносили холодъ и потому не торопились надѣвать сухое платье, а продолжали кататься еще нѣкоторое время въ мокромъ; затѣмъ уже они переодѣвались въ сухое платье и снова

отправлялись кататься. Этимъ они занимались такъ ревностно, что дѣлали успѣхи и нѣкоторые изъ нихъ могли отлично бѣгать на конькахъ.

Во время пребыванія его величества въ Англіи епископъ Салисбурійскій [1]), по порученію архіепископа Кентерберійскаго, и какой-то другой богословъ [2]), по порученію архіепископа Іоркскаго, разъясняли ему ученіе протестантской церкви.

Тамъ же онъ ознакомился подробно съ техникой кораблестроенія и нанялъ нѣсколько инженеровъ и огнестрѣльныхъ мастеровъ для войны съ Турціей и нѣсколько плотниковъ-кораблестроителей [3]). Ему подарили роскошную транспортъ-яхту [4]), оцѣненную въ двѣсти тысячъ фунтовъ, и кромѣ того фрегатъ, чтобы конвоировать яхту въ Архангельскъ. Въ

[1]) Епископъ—Бюрнетъ, авторъ книги History of his own times, изданной по смерти автора въ 1793 г.

[2]) Можно предполагать, что это былъ Френчисъ Ли, авторъ книги „Απολειπομενα ον, dissertations theological, mathematical, and physical.....; proposals given to Peter the Great, czar of Muscovy, anno 1698... Lond., 1752. О содержаніи этого сочиненія см. Brückner, Die Reise Peters d. Gr., Russ. Revue XIV, стр. 209 и слѣд.

[3]) См. Роспись иноземцамъ, нанятымъ въ Англіи въ 1698. Устряловъ, III, 581.

[4]) Яхта *Транспортъ-ройяль* была представлена царю 2 марта. Юрналъ. Устряловъ, III, 603.

маѣ мѣсяцѣ оба корабля вышли въ море съ полнымъ экипажемъ.

Онъ осмотрѣлъ и Портсмутъ, гдѣ для него эскадра военныхъ судовъ произвела примѣрную морскую битву [1]). Еще до своей поѣздки въ Портсмутъ онъ извѣстилъ коменданта Джибсона, что не хочетъ, чтобы ему устраивали торжественную встрѣчу, такъ какъ онъ пріѣдетъ поздно вечеромъ. Его желаніе было исполнено, и онъ тотчасъ по прибытіи на свою квартиру легъ спать [2]). За то при отъѣздѣ его провожали пальбой изъ 54 громадныхъ пушекъ [3]).

23-го апрѣля пріѣхалъ сюда въ Зандамъ его посолъ Лефортъ со свитою изъ семи или восьми московитянъ; а тѣ московитяне, которые жили въ каменной комнатѣ, хорошо угостили его въ домѣ Фанъ Дипенбека, хозяина Mooriaenshooft (Голова Арапа) [4]), гдѣ посолъ и переночевалъ; 24-го числа онъ уѣхалъ въ Амстердамъ.

7-го мая его царское величество вернулся благополучно изъ Англіи въ Голландію на

---

[1]) $\frac{\text{24 марта}}{\text{3 апрѣля}}$. Юрналъ, Устряловъ III, 604.

[2]) Петръ В. пріѣхалъ въ Портсмутъ 21/31 марта вечеромъ въ 8 часовъ. Юрналъ, тамъ же.

[3]) Въ 25 день (марта). Послѣ обѣда поѣхали сухимъ путемъ и изъ города стрѣляли изъ 51 пушки. Юрналъ, Устряловъ III, 605.

[4]) Названіе гостинницы.

двухъ англійскихъ военныхъ корабляхъ и королевскихъ яхтахъ [1]).

15-го мая вечеромъ ушло изъ Амстердама въ Тессель восемь баржъ и на каждой было около 80 человѣкъ, которые нанялись на службу къ великому князю и теперь должны были отправиться въ Московію на голландскихъ корабляхъ [2]).

21-го числа пріѣхалъ на своей буеръ-яхтѣ изъ Амстердама сюда въ Зандамъ его царское величество съ княземъ Сибирскимъ (Сибирь это важное княжество въ Московіи) и съ маленькой свитой.

Они отправились въ домъ Корнелиса Михильса Калфа и поѣхали съ нимъ на его буерѣ вверхъ по Зану до дома Мейндерта Арентсона, гдѣ ихъ угостили. Царь зашелъ и въ домъ Класа Арентсона и пилъ тамъ чай.

Ему очень хотѣлось видѣть, какъ мелютъ табакъ; поэтому Класъ Арентсонъ и его сынъ Арентъ Блумъ повезли великаго князя и князя Сибирскаго на своемъ ботикѣ по Зану къ дому Дирка Янсона, откуда

---

[1]) Петръ Вел. уѣхалъ изъ Англіи на яхтѣ Транспортъ-ройяль; свита слѣдовала за нимъ на другой яхтѣ; $\frac{\text{23 апрѣля}}{\text{3 маа}}$ вечеромъ увидѣлъ голландскій берегъ; $\frac{\text{27 апрѣля}}{\text{7 мая}}$ проѣхалъ Роттердамъ и $\frac{\text{29 апрѣля}}{\text{9 мая}}$ прибылъ въ Амстердамъ.

[2]) См. Устряловъ III, прилож. VIII, 4, 6.

они самой близкой дорогой, черезъ поле, отправились на мельницу; здѣсь они оба очень внимательно смотрѣли, какъ мололи стебельки табаку.

Потомъ великій князь пожелалъ видѣть, какъ приготовляется нюхательный табакъ, и они пошли на мельницу Класа Симонсона Гейнтье. Царь не захотѣлъ идти по Геренвегу, гдѣ собралось много народа, желавшаго его видѣть; поэтому они шли полемъ, пока это было возможно, затѣмъ сѣли въ ботикъ и доѣхали на немъ до мельницы. Тамъ великій князь и князь Сибирскій смотрѣли съ большимъ удовольствіемъ, какъ мололи дорогой нюхательный табакъ.

Чтобы избѣжать взоровъ любопытныхъ, они поѣхали отсюда на ботикѣ прямо до западнаго конца Земанспада и прибыли туда, когда уже стемнело. Великій князь и князь Сибирскій вошли въ домъ Корнелиса Михильса Калфа и оставались здѣсь до 11 часовъ вечера, свита же не знала, гдѣ они находятся но на ночь они вернулись въ квартиру свиты.

22-го мая царь хотѣлъ уѣхать, но это ему не удалось сразу. Замѣтивъ, что на улицѣ собралась большая толпа, желавшая его видѣть, онъ не выходилъ изъ квартиры, а любопытные стояли на улицѣ съ утра до самого обѣда. Наконецъ они устали, имъ надоѣло такъ долго напрасно ждать, и каждый пошелъ своей дорогой. Замѣтивъ это, онъ

пошелъ по опустѣвшей улицѣ вмѣстѣ съ княземъ Сибирскимъ [1]) и нѣкоторыми изъ своихъ людей къ буеръ-яхтѣ и уѣхалъ въ Амстердамъ. Вскорѣ послѣ этого онъ отправился въ Германію, Вѣну и т. д. [2])

Генеральные штаты Соединенныхъ Нидерландовъ уже въ маѣ предписали губернаторамъ и комендантамъ тѣхъ городовъ и крѣпостей, чрезъ которыя должно было проѣзжать великое московское посольство, встрѣчать его пушечной пальбой. Кромѣ того было приказано гофмейстеру Гесселю угощать посольство на счетъ нашей страны и освободить его отъ путевыхъ издержекъ вплоть до нашей границы. Это такъ и было исполнено [3]).

[1]) Трудно сказать, кто былъ упомянутый здѣсь князь Сибирскій. Едва-ли это тотъ Сибирскій царевичъ Василій Алексѣевичъ, который былъ близокъ съ царевичемъ Алексѣемъ, сочувствовалъ его побѣгу за границу и 24 марта 1718 г. былъ сосланъ въ ссылку къ городу Архангельску (см. Устряловъ, т. VI стр. 185). Можетъ быть, что въ этотъ день, 21 мая, царя провожалъ въ Зандамъ второй посолъ „намѣстникъ Сибирскій" Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ. Схелтема говоритъ, что царевича Александра Арчиловича Иметинскаго, который, дѣйствительно, состоялъ при великомъ посольствѣ, называли въ Голландіи иногда и царевичемъ Сибирскимъ. Схелтема однакоже не приводитъ документальныхъ доказательствъ. См. Peter de Groote, I, стр. 75 прим.

[2]) Царь уѣхалъ изъ Амстердама 15/5 мая.

[3]) Ср. М. Веневитиновъ, Русскіе въ Голландіи, стр. 124.

Такимъ образомъ, наконецъ, наше государство и Вестъ-Зандамъ лишились великаго, высокаго, знаменитаго, замѣчательнаго и дорогого гостя.

Теперь разскажу о его путешествіи, послѣ его отъѣзда, за предѣлами нашего государства; объ этомъ сообщали сюда въ письмахъ слѣдующее:

26-го іюня [1]) состоялся въѣздъ посольства въ Вѣну.

29-го іюня одинъ изъ Московскихъ князей былъ въ Вѣнѣ у императора [2]). Его императорское величество встрѣтилъ его въ аванъ-залѣ съ непокрытой головой и потомъ надѣлъ шляпу; но князь отказался послѣдовать его примѣру и обѣ высокія особы остались съ непокрытыми головами [3]). При этомъ присутствовали только оберъ-камергеръ Валенштейнъ, оберъ-гофмейстеръ Фонъ Дитрихштейнъ и первый посолъ Лефортъ.

Далѣе изъ Вѣны писали слѣдующее:

5-го іюля. Московскій князь 3-го числа посѣтилъ театръ и оперу [4]). Не смотря на свое

---

[1]) См. Пам. дипл. снош. VIII, 1327.

[2]) Рѣчь идетъ здѣсь о Петрѣ. Свиданіе царя съ императоромъ состоялось $^{19}/_{29}$ іюня во дворцѣ Favorita.

[3]) См. Устряловъ III, стр. 127.

[4]) $\frac{\text{23 іюня}}{\text{3 іюля}}$ царь былъ въ оперѣ, которую давали въ Фаворитѣ, по случаю тезоименитства Леопольда I.

инкогнито онъ былъ со дворомъ на оленьей охотѣ и ему было оказано много любезностей. Онъ самъ выразилъ императору, что это былъ самый счастливый день въ его жизни[1]), когда его величество встрѣтилъ его какъ своего любимаго брата.

Говорятъ, что онъ сдѣлалъ визитъ императрицѣ[2]) и у нея встрѣтился съ эрцъ-герцогинями.

На содержаніе московскаго посольства было ассигновано три тысячи гульденовъ въ недѣлю[3]).

12 числа. Онъ былъ на музыкѣ въ Гумпендорфѣ, гдѣ играло болѣе ста музыкантовъ на разныхъ инструментахъ; балъ продолжался почти всю ночь[4]).

Московскіе князья получили въ подарокъ нѣсколько математическихъ инструментовъ. Вчера они осматривали императорскую казну, кунсткамеру, палату со сбруей и разнымъ красивымъ оружіемъ и библіотеку. Сегодня во-

---

[1]) Т. е. день перваго свиданія съ императоромъ. См. донесеніе папскаго нунція у Тейнера, Monuments historiques (Rome, 1859) стр. 372.

[2]) Императрица приняла Петра $\frac{\text{24 іюня.}}{\text{4 іюля.}}$

[3]) См. Пам. дипл. снош. VIII, стр. 1334.

[4]) Очевидно здѣсь говорится о празднествѣ, которое послы устроили у себя въ Гумпендорфѣ въ день тезоименитства царя, $\frac{\text{29 іюня.}}{\text{9 іюля.}}$

семь лицъ изъ посольства уѣхали въ Венецію, а можетъ быть, и въ Римъ.

26 іюля. Московскій князь слушалъ 23-го числа въ домѣ іезуитовъ большую мессу, которую служилъ кардиналъ Колоницъ, и тамъ же обѣдалъ [1]). Затѣмъ онъ ѣздилъ водою въ Пресбургъ, гдѣ осматривалъ венгерскую корону и другія достопримѣчательности, и 24-го возвратился. 25-го онъ посѣтилъ императорскую школу верховой ѣзды, послѣ обѣда простился со дворомъ и сегодня собирается ѣхать въ Венецію [2]) и затѣмъ въ Римъ. Нѣкоторыя лица изъ его свиты выѣхали туда уже вчера.

2-го августа вышеупомянутый князь, который учился ботовому дѣлу, и другіе московитяне угощали здѣсь въ Вестъ-Зандамѣ на своей квартирѣ прекрасными кушаньями и напитками нѣкоторыхъ знатныхъ московскихъ торговцевъ и барышень изъ Амстердама.

8-го числа они получили здѣсь достовѣрное извѣстіе, что въ Москвѣ вспыхнулъ большой бунтъ.

---

[1]) См. Theiner, Monuments, стр. 373.

[2]) Царь намѣревался выѣхать въ Венецію 15/25 іюля. Вѣсти изъ Москвы разстроили его планы. Четыре волонтера съ докторомъ Постниковымъ отправились впередъ наканунѣ. Устряловъ, III, 144.

30-го іюля писали изъ Вѣны слѣдующее:

28-го числа московскихъ пословъ повели съ большой торжественностью изъ ихъ квартиры въ Гумпендорфѣ на аудіенцію къ императору [1]), причемъ впереди 50 вѣнскихъ гражданъ несли подарки пословъ [2]), состоявшіе изъ драгоцѣнныхъ соболей, горностаевъ, золотыхъ и серебрянныхъ матерій и другихъ драгоцѣнностей.

Предполагали, что Московскій князь, въ день отправки послѣдняго письма, поѣдетъ въ Италію, но онъ на этотъ разъ отложилъ путешествіе и уѣхалъ со свитой въ Москву на тридцати почтовыхъ лошадяхъ [3]).

11-го августа въ Гагѣ были получены письма изъ Вѣны съ извѣстіемъ, что самый знатный Московскій князь съ двумя московскими послами [4]) и со свитою въ составѣ тридцати лицъ уѣхалъ въ Московію, чтобы черезъ четыре дня (sic) быть въ Москвѣ.

Третій посолъ остался въ Вѣнѣ.

---

[1]) Торжественная аудіенція пословъ состоялась 18/28 іюля.

[2]) .... несены Цар. Вел-ва дары и посольскіе подарки вѣнскихъ мѣщанъ 80 человѣкъ. Пам. дипл. снош. VIII, 1405.

[3]) Лефортъ и Головинъ поѣхали въ тотъ же день вслѣдъ за царемъ; въ Вѣнѣ остался Возницынъ.

[4]) Царь и послы пріѣхали въ Москву 25 августа, / 4 сентября.

5-го сентября писали изъ Москвы:

Генералъ Лефортъ и другіе члены великаго посольства, которое посѣтило Голландію и другія страны, вчера возвратились.

20-го числа писали изъ Кракова:

Всѣ извѣстія, полученныя изъ Москвы, передаютъ одинаково, что при возвращеніи великаго посольства вообще все обстояло благополучно и что подданные, какъ знатные такъ и простые, выразили большую радость, что его царское величество вернулся.

19-го октября. Вышеупомянутаго князя, который долго пробылъ здѣсь въ Зандамѣ, чтобы учиться ботовому дѣлу, а также и остальныхъ московитянъ, жившихъ еще въ каменной комнатѣ, высокопоставленныя лица торжественно проводили изъ ихъ квартиры въ Амстердамъ, откуда они уѣхали въ свое отечество.

30-го ноября писали изъ Смоленска въ Московіи слѣдующее:

Письма изъ Москвы сообщаютъ о строгомъ наказаніи, которому подверглись въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ присутствіи царя стрѣльцы и другіе участники большого бунта.

Около тысячи ихъ было повѣшено въ монастырѣ, въ которомъ заключена сестра его царскаго величества, царевна Софья, передъ

ея окнами [1]). Двѣ изъ самыхъ знатныхъ статсъ-дамъ этой царевны были заживо зарыты въ землю [2]); а князь Colotin, бывшій посланникъ Colombin и нѣсколько другихъ бояръ, состоявшихъ при генералѣ Ромодановскомъ, командовавшемъ войсками на польской границѣ, были колесованы на Преображенской площади [3]). Два монаха ордена Св. Василія колесованы за то, что подстрекали стрѣльцовъ. Младшаго патріарха колесовали и трупъ его положили на колесо у церкви Св. Тро-

---

[1]) Подъ Новодѣвичьимъ монастыремъ предъ кельями царевны Софіи повѣшено всего 195 стрѣльцовъ.

[2]) Этотъ разсказъ основанъ вѣроятно на слухѣ о розыскѣ постельницъ Анны Жуковой и Ѳедоры Колужкиной. См. Устряловъ, III, 214—217. Слич. у Корба (переводъ Семевскаго въ Чтеніяхъ М. О. 1866, IV, стр. 107): „Вышеупомянутыя двѣ постельницы закопаны живыми въ землю, если только слухъ о семъ справедливъ".

[3]) Весь этотъ разсказъ о казнѣ стрѣльцовъ и другихъ виновныхъ въ бунтѣ не имѣетъ никакого основанія. Если вмѣсто Colotin читать Голицынъ, то можно предположить, что Номенъ совершенно перепуталъ слухи о казни 17-го октября, когда приближенные царя, а въ числѣ ихъ кн. Голицынъ и Ромодановскій, рубили головы стрѣльцамъ. См. Дневникъ Корба (пер. Семевскаго, стр. 108) и Желябужскій, стр. 127. Такъ какъ Номенъ говоритъ о „бывшемъ посланникѣ" Colombin, то, вѣрнѣе всего, надо читать Головинъ; но ни Корбъ, ни Желябужскій не говорятъ о томъ, что Ѳ. А. Головинъ принималъ дѣятельное участіе въ казняхъ.

цы передъ дворцомъ царя, т. наз. Кремлемъ, а старшій полковой священникъ былъ повѣшенъ напротивъ [1]).

---

[1]) Распопы Борисъ Леонтьевъ и Ефимъ Самсоновъ, о которыхъ здѣсь, должно быть, говорится, были казнены 18-го октября. См. у Корба: „Одинъ попъ былъ повѣшенъ предъ церковью Святой Троицы, а другой обезглавленъ и потомъ для вящшаго позора колесованъ“. (Пер. Семевскаго. стр. 108) и Желябужскій, стр. 127.

II.

[Путешествіе Петра Великаго за границу въ 1716 и 1717 гг.]

Господа штаты Голландіи и Фрисландіи, получивъ достовѣрное извѣстіе, что его царское величество намѣренъ посѣтить наше государство и, между прочимъ, Гагу, выбрали изъ своей среды четырехъ депутатовъ для встрѣчи и привѣтствія царя въ Дефентерѣ. Однакоже, его величество прибылъ 17-го декабря въ Амстердамъ, гдѣ его и привѣтствовали эти депутаты съ бургомистрами города, причемъ они ему предложили остановиться со своей свитой въ городскомъ дуленѣ [1]).

Но онъ держалъ себя такъ же просто, какъ и 19 лѣтъ тому назадъ, когда онъ былъ здѣсь плотникомъ, и остановился въ домѣ г. Брандта, [2]) имѣвшаго большія торговыя дѣла въ Москвѣ. Тамъ его и его свиту прекрасно угощали и г. Брандтъ самъ при-

---

[1]) Т. е. въ Kloveniersdoelen.

[2]) См. о немъ: Уляницкій, Историч. очеркъ русскихъ консульствъ за границей, стр. 19. (Сборникъ Моск. Главн. Арх. V, М., 1893).

служивалъ за столомъ вмѣстѣ съ другими. Но такъ какъ угощеніе продолжалось долго и г. Брандтъ почувствовалъ сильный голодъ, то онъ спросилъ, не разрѣшитъ-ли его царское величество съѣсть что-нибудь и тѣмъ, которые прислуживали за столомъ и теперь сильно проголодались. На это царь согласился. Нѣкоторые господа говорили съ нимъ съ изысканною вѣжливостью и онъ замѣтилъ: „будемъ лучше говорить какъ плотники". На ночь ему приготовили удобную постель со всѣми принадлежностями, но онъ взялъ подушки, положилъ ихъ на полъ и такъ легъ спать. (Это мнѣ разсказалъ амстердамскій купецъ Соломонъ Рененъ).

Точно такъ же какъ 19 лѣтъ тому назадъ, онъ и на этотъ разъ осматривалъ магазины и верфи, принадлежавшіе государству и Остъ-Индской компаніи. Когда онъ пришелъ на верфь, его увидѣла жена старшаго мастера Поля; она побѣжала къ нему на встрѣчу и сказала: „добро пожаловать, мастеръ Питеръ!" На это онъ отвѣтилъ: „откуда ты меня знаешь?" Она возразила: „мейнéръ, [1]) 19 лѣтъ тому назадъ вы часто бывали въ нашемъ домѣ и обѣдали за нашимъ столомъ; вѣдь я жена мастера Поля". Тогда онъ обнялъ и поцѣловалъ ее очень любезно. Затѣмъ пришелъ младшій мастеръ этой верфи и тоже

) По голл. mijnheer, т. е. милостивый государь.

воскликнулъ: „добро пожаловать, мастеръ Питеръ!“ Онъ опять спросилъ: „откуда ты меня знаешь?“ и тотъ отвѣтилъ: „19 лѣтъ тому назадъ мы съ тобой, вмѣстѣ съ другими, строили здѣсь корабли“. Тогда онъ обнялъ и поцѣловалъ его сердечно. (Это мнѣ разсказалъ вышеупомянутый Янъ Питерсонъ Бруръ).

Питеръ Эйпъ, плотничій мастеръ на верфи Бревера въ Остъ-Зандамѣ, который тоже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ состоялъ на службѣ у царя въ Московіи и помогалъ при постройкѣ кораблей, посѣтилъ теперь, въ концѣ декабря 1716 г., его царское величество въ Амстердамѣ и провелъ съ нимъ болѣе трехъ часовъ въ дружеской бесѣдѣ; царь, между прочимъ, сказалъ Питеру Эйпу: „надѣюсь еще разъ побывать въ Зандамѣ, чтобы посѣтить старика Калфа, т. е. Корнелиса Михильса Калфа, и тогда я тоже буду у васъ на вашей верфи и посмотрю корабль, который вы теперь кончаете“. (Сообщено имъ же).

Томасъ Іосіассонъ, который тоже былъ нѣсколько лѣтъ плотникомъ у царя въ Московіи, бесѣдовалъ съ нимъ въ Амстердамѣ цѣлый часъ; его мать Марію Гитмансъ, бѣдную скромную женщину, его царское величество навѣстилъ запросто 19 лѣтъ тому назадъ и выпилъ съ ней рюмку еневра. (Класъ Корнелисъ Гротъ сообщилъ мнѣ это.)

Такъ какъ царица была беременна и царь желалъ, чтобы она родила въ Амстердамѣ, то

она выѣхала сюда въ началѣ зимы и г.г. штаты нашей провинціи приготовили въ Везелѣ роскошную яхту, чтобы перевезти оттуда царицу. На эту яхту она сѣла въ Везелѣ 12-го января 1717 года, но на другой день сошла опять на берегъ и 13-го января въ Везелѣ благополучно разрѣшилась отъ бремени великимъ княземъ. Царь, который въ то время былъ еше въ Амстердамѣ, получилъ тамъ 14-го около полудня въ своей квартирѣ эту пріятную вѣсть черезъ нарочнаго, посланнаго изъ Везеля.

16-го числа писали изъ Везеля, что новорожденный великій князь умеръ въ день рожденія, вечеромъ между 7 и 8 часами, по случаю чего звонили въ колокола. Вчера бальзамировали тѣло и положили его на парадную постель. Говорятъ, что царица довольно слаба.

Царь уже разъ выѣзжалъ на парусахъ въ Зандамъ, но сильная буря заставила его вернуться.

Затѣмъ онъ нѣсколько дней былъ боленъ[1]). Одни говорятъ, что онъ побывалъ, гдѣ не слѣдуетъ, другіе же, что онъ лишнее выпилъ, третьи приписывали болѣзнь и тому и другому. Что касается меня, то я не берусь рѣ-

[1]) Петръ занемогъ въ концѣ декабря и его болѣзнь продолжаласъ до начала февраля (по стар. ст.). Соловьевъ, И. Р. XVII, 68.

шить этого вопроса, такъ какъ достовѣрныхъ свѣдѣній не имѣю.

13-го февраля утромъ между 7 и 8 часами пріѣхала царица на яхтѣ штатовъ изъ Везеля въ Амстердамъ и была отвезена въ каретѣ на Герегрnative въ домъ царскаго агента,[1]) гдѣ теперь жилъ и самъ царь.

5-го марта довольно рано до обѣда пріѣхалъ его царское величество изъ Амстердама на яхтѣ сюда въ Вестъ-Зандамъ; его сопровождали два или три князя и нѣсколько простыхъ слугъ. Они прошли черезъ большой шлюзъ и поѣхали по Ахтерзану къ усадьбѣ Корнелиса Михильса Калфа. Немного спустя (взявъ съ собой К. М. Калфа и его сына Николая Калфа) они поѣхали на той же яхтѣ, на парусахъ, для своего удовольствія въ Кохъ[2]), откуда возвратились къ обѣду въ домъ К. М. Калфа. По Зану ихъ провожало нѣсколько буеръ-яхтъ и много яликовъ, наполненныхъ любопытными, желавшими видѣть царя. Причаливъ къ усадьбѣ К. М. Калфа, царь съ яхты побѣжалъ прямо въ домъ, а на берегу Зана стояли люди, желавшіе посмотрѣть на него. Затѣмъ онъ опять вышелъ изъ дома и осмо-

---

[1]) Т. е. Осипа Соловьева; см. о немъ Уляницкій, Историческій очеркъ русскихъ консульствъ за границей, стр. 18. (Сборн. Моск. Главн. Арх. V. Москва, 1893).

[2]) Koog aan de Zaan — деревня на западномъ берегу Зана, недалеко отъ Зандама.

трѣлъ красивую лодку для катанья по льду, стоявшую на берегу, которая была для него куплена и предназначалась къ отправкѣ въ Московію.

Онъ сѣлъ съ Калфомъ въ эту лодку, велѣлъ поставить мачту и остался очень доволенъ всѣмъ этимъ, что было видно изъ бесѣды, которую онъ велъ по этому поводу съ К. М. Калфомъ. Любопытные, стоявшіе по близости на берегу Зана, могли все слышать и понять, такъ какъ онъ хорошо говорилъ по-голландски. Тутъ то люди могли смотрѣть на него, сколько желали (все это видѣла также наша [внучка] Ахье Дирксъ Гротъ). Во время обѣда, который по собственному желанію царя былъ скромный и не отличался отъ обычныхъ обѣдовъ зажиточныхъ купцовъ, К. М. Калфъ сказалъ, что его царское величество за 19 лѣтъ значительно измѣнился къ лучшему и сталъ веселѣе и общительнѣе, но что царь, по случаю турецкой и сѣверной войны, цѣлыхъ восемь лѣтъ не бывалъ въ своемъ собственномъ дворцѣ въ Москвѣ. Затѣмъ они поѣхали на яхтѣ на бумажную мельницу подъ названіемъ De Kok (Повара), гдѣ царь, точно такъ же какъ и 19 лѣтъ тому назадъ, осмотрѣлъ все подробно. На возвратномъ пути онъ переѣхалъ на лодкѣ черезъ Кокслотъ[1]) и причалилъ къ усадьбѣ Альберта Блекера,

---

[1]) Названіе канала въ Зандамѣ.

перелѣзъ тамъ черезъ свинной хлѣвъ, осмотрѣлъ крахмальный заводъ и отвѣдалъ кислую воду, въ которой мочатъ пшеницу для изготовленія крахмала. Онъ взялъ большой комокъ готоваго крахмалу, съѣлъ самъ часть и далъ затѣмъ кусочекъ одному изъ своихъ слугъ, который его попробовалъ и выплюнулъ. Въ это время прибыли пассажирскія суда изъ Коха, Зандейка, Вормерфера и Амстердама; они пристали тутъ же къ берегу, купцы сошли съ судовъ и увидѣли великаго князя.

Послѣдній отправился со своими спутниками на яхту, взошелъ на палубу и нѣсколько разъ поворачивался, какъ будто хотѣлъ этимъ сказать: „ну, теперь можете меня разсматривать“. Тутъ была большая толпа народа (царя видѣла здѣсь и моя служанка Марія Янсъ), было много буеръ-яхтъ а еще больше яликовъ и ботиковъ, биткомъ набитыхъ людьми. Царь самъ правилъ рулемъ и поплылъ къ Дамму.

Моя младшая внучка, Трентье Дирксъ Гротъ, прибѣжала вдругъ ко мнѣ въ домъ, бросила свои игрушки на полъ и воскликнула: „милый дѣдушка, вотъ онъ ѣдетъ на яхтѣ, я хочу на него посмотрѣть“. Затѣмъ она побѣжала такъ быстро, какъ только могла, на берегъ Зана къ нашимъ сосѣдямъ, которые взяли ее съ собой въ яликъ и подъѣхали къ самой яхтѣ, и она, Трентье Д. Гротъ, а также и остальные, видѣли царя очень близко и насмотрѣлись на него до сыта. Между

тѣмъ я, Янъ Корнелиссонъ Номенъ, тоже выбѣжалъ изъ дома, вошелъ въ лодку, стоявшую тутъ же на Занѣ, и со многими другими видѣлъ, какъ яхта плыла на парусахъ. Такъ какъ вѣтеръ былъ сильный, то они держались восточнаго берега, но у верфи Класа Крамера имъ пришлось поворотить, что намъ было очень пріятно, потому что теперь они держали курсъ прямо на насъ и наше желаніе исполнилось: мы видѣли его царское величество совсѣмъ близко, со всѣхъ сторонъ, и могли даже разсмотрѣть черты его лица. Онъ самъ правилъ рулемъ; на головѣ у него былъ короткій, неважный, черный парикъ и простая черная, войлочная шляпа; у него были густые черные усы, видно было, что онъ послѣдніе дни не брился. Лицо его было блѣдно вслѣдствіе вышеупомянутой болѣзни. На видъ онъ былъ статный, съ ловкими движеніями. Онъ былъ одѣтъ въ старый суконный кафтанъ съ кожаннымъ поясомъ, шириною въ три пальца, на которомъ висѣла сабля. Князья были одѣты не такъ скромно. На нихъ были большіе парики и красные плащи. Около 5-ти часовъ они прошли черезъ большой шлюзъ и уѣхали дальше въ Амстердамъ, провожаемые взорами сотенъ людей.

9-го марта, во вторникъ утромъ, его царское величество пріѣхалъ опять на яхтѣ изъ Амстердама сюда въ Вестъ-Зандамъ въ сопровожденіи многихъ высокопоставленныхъ

лицъ, вышеупомянутыхъ двухъ или трехъ князей своего государства, вицеканцлера и своего посланника въ Гагѣ, князя Куракина, который занималъ тамъ эту должность уже нѣсколько лѣтъ. Они причалили здѣсь у дубильныхъ мельницъ. Царица со своими статсъ-дамами пріѣхала на отдѣльной яхтѣ и хотѣла пристать тамъ же; но такъ какъ ея яхта была больше, то это не удалось вслѣдствіе мелководья, и она прошла черезъ большой шлюзъ къ усадьбѣ К. М. Калфа. Тамъ царица со своими великолѣпно одѣтыми статсъ-дамами отправилась въ домъ. На царицѣ было драгоцѣнное платье и много золотыхъ, жемчужныхъ, брилліантовыхъ и другихъ украшеній съ драгоцѣнными камнями, которыя (говорятъ) стоили три бочки золота [1]).

Царь былъ въ той же простой одеждѣ, какъ и въ прошлую пятницу. Онъ сошелъ съ вышеупомянутой яхты, а нѣкоторые изъ высокопоставленныхъ особъ пошли къ Дамму, гдѣ въ это время перетаскивали черезъ Офертомъ большой корабль, принадлежавшій Класу Эйтену. Они остались здѣсь недолго и затѣмъ направились прямо къ дому К. М. Калфа; царь же съ двумя или тремя изъ своей свиты и съ Николаемъ Калфомъ пошелъ отъ Категата по Кадейку и по высокому Зедейку на бумажную мельницу подъ названіемъ De

---

[1]) Т. е. 300.000 гульденовъ.

Walvis (Кита). Тамъ онъ осмотрѣлъ все внимательно и, по обыкновенію, былъ такъ же экономенъ, какъ въ прошлую пятницу на мельницѣ De Kok. Отсюда онъ отправился обратно по высокому Зедейку въ домъ вышеупомянутаго Томаса Іосіассона, такъ какъ еще въ Амстердамѣ обѣщалъ навѣстить его. Напившись тутъ кофе, они пошли къ Офертому, осмотрѣли корабль, который былъ уже немного поднятъ, далѣе, канаты, блоки и другія приспособленія, а потомъ отправились въ домъ К. М. Калфа. Здѣсь царь узналъ, что кузнецъ Герритъ Кистъ, у котораго онъ жилъ 19 лѣтъ тому назадъ, служитъ работникомъ въ кузницѣ напротивъ. Онъ велѣлъ сказать ему, что царь желаетъ отправиться съ нимъ на квартиру, которую занималъ 19 лѣтъ тому назадъ. Кузнецъ отвѣчалъ: „нѣтъ, меня мало интересуетъ царь, такъ какъ онъ слишкомъ скупо заплатилъ за квартиру въ моемъ домѣ". Тогда царь пошелъ самъ въ кузницу (съ однимъ изъ своихъ дворянъ) и осмотрѣлъ все внимательно; а когда сопровождавшій его придворный вздумалъ уйти изъ кузницы, то онъ побѣжалъ за нимъ, схватилъ его за рукавъ и втащилъ бѣглеца шутя обратно. Затѣмъ онъ сунулъ ему въ руку тяжелый кузнечный молотъ и заставилъ его ударить имъ нѣсколько разъ по горячему желѣзу. Потомъ Герритъ Кистъ отправился съ царемъ на его старую квартиру; здѣсь царь поднялся на чердакъ и осмотрѣлъ

бывшую свою спальню и маленькую комнату, въ которой онъ совершалъ молитвы. Пробывъ въ Кримпенбурхѣ около получаса, онъ вторично пошелъ смотрѣть, какъ перетаскиваютъ корабль, и, наконецъ, вернулся въ домъ К. М. Калфа. Тамъ угостили царя, царицу и всѣхъ дворянъ обѣдомъ, который на этотъ разъ былъ гораздо роскошнѣе, чѣмъ 5-го числа.

Г-жа Алида фанъ Альстъ тоже видѣла, какъ царица со своими статсъ-дамами сидѣла за столомъ и обѣдала.

Мѣстный Вестъ-Зандамскій пасторъ доминусъ Геральдусъ фанъ Альстъ явился (съ особаго разрѣшенія, даннаго по его просьбѣ) въ домъ К. М. Калфа, чтобы привѣтствовать его царское величество самымъ почтительнымъ образомъ и пожелать ему всѣхъ благъ. Онъ при этомъ ограничился краткой задушевной рѣчью, потому что его предупредили, что это такъ требуется. На это его царское величество, тоже стоя, отвѣтилъ ему коротко и любезно, выражая свою благодарность.

Доминусъ Г. фанъ Альстъ обратился затѣмъ къ царицѣ, которая тотчасъ же встала, и привѣтствовалъ ее въ общемъ тѣми же словами, за что она очень любезно поблагодарила его. Это происходило въ присутствіи вышеупомянутой г-жи А. фанъ Альстъ, жены пастора Г. фанъ Альста, и многихъ другихъ лицъ.

Послѣ обѣда многіе дворяне отправились къ Офертому; царь же, царица и остальные дворяне вышли изъ дома, сѣли на яхту и поѣхали по Зану за Даммъ, предполагая тамъ высадиться и зайти въ домъ Альтье Валингіусъ, жены Арента Классона Блума, чтобы оттуда удобно смотрѣть на спускъ корабля съ Офертома. Но это имъ не удалось, такъ какъ по всему Дамму и по обѣ его стороны было такъ много народа, что имъ нельзя было сойти на берегъ. Тогда они прошли черезъ большой шлюзъ и поѣхали къ верфи вышеупомянутаго дома, тамъ они вошли въ стеклянныя сѣни и смотрѣли, какъ спускали корабль съ Офертома. На кораблѣ была толпа мальчугановъ. Вслѣдствіе мелководья корабль засѣлъ въ тинѣ внизу у Офертома. Затѣмъ царь, царица и нѣкоторые изъ ихъ свиты сейчасъ же вышли изъ дома, сѣли на яхту и такъ скоро уѣхали, что оставшуюся свиту пришлось отправлять на другихъ яхтахъ. Многимъ лицамъ, а въ числѣ ихъ и Ахье и Трейнтье Дирксъ Гротъ, удалось опять увидѣть царя и царицу. Съ одной изъ яхтъ стрѣляли въ честь его царскаго величества, и такъ они уѣхали въ Амстердамъ.

19-го марта, въ половинѣ восьмого вечера, царь и царица поѣхали на рѣчной яхтѣ изъ Амстердама въ Гагу и остановились въ домѣ своего посланника, князя Куракина, гдѣ была поставлена стража. 20-го числа ихъ при-

вѣтствовала торжественная депутація, состоявшая изъ семи членовъ генеральныхъ штатовъ. Въ полдень они отправились въ Схевенингенъ, а вечеромъ заѣхали въ Зоргфлитъ[1]).

Утромъ 21-го числа къ его царскому величеству явились съ привѣтствіемъ иностранные министры и другія высокопоставленныя лица. Въ полдень ихъ царскія величества отправились снова въ Зоргфлитъ, гдѣ и обѣдали вмѣстѣ съ нѣкоторыми высокопоставленными лицами.

27-го числа, послѣ обѣда, около половины четвертаго, царь съ нѣсколькими князьями и вельможами, размѣстившимися въ четырехъ каретахъ, пріѣхалъ въ Гагу на Бинненгофъ[2]) и

---

[1]) Это хуторъ около Гаги по дорогѣ въ Схевенингенъ. Въ концѣ прошлаго вѣка это имѣніе принадлежало великой герцогинѣ Саксенъ-Веймарской; въ настоящее же время оно перешло въ частное владѣніе, будетъ вѣроятно скоро застроено и сольется тогда съ Гагою въ одно цѣлое.

[2]) Въ центрѣ гор. Гаги находится живописный старый дворецъ голландскихъ графовъ, въ которомъ со времени основанія республики Соединенныхъ Нидерландовъ по настоящее время помѣщаются генеральные штаты и нѣкоторыя другія верховныя правительственныя учрежденія. Дворецъ этотъ состоитъ изъ нѣсколькихъ зданій, расположенныхъ четыреугольникомъ и выходящихъ главными своими фасадами на большую площадь, т. наз. Binnenhof, т. е. внутренній дворъ. За дворцомъ находится Buitenhof — внѣшній дворъ.

вѣтствовала торжественная депутація, состоявшая изъ семи членовъ генеральныхъ штатовъ. Въ полдень они отправились въ Схевенингенъ, а вечеромъ заѣхали въ Зоргфлитъ [1]).

Утромъ 21-го числа къ его царскому величеству явились съ привѣтствіемъ иностранные министры и другія высокопоставленныя лица. Въ полдень ихъ царскія величества отправились снова въ Зоргфлитъ, гдѣ и обѣдали вмѣстѣ съ нѣкоторыми высокопоставленными лицами.

27-го числа, послѣ обѣда, около половины четвертаго, царь съ нѣсколькими князьями и вельможами, размѣстившимися въ четырехъ каретахъ, пріѣхалъ въ Гагу на Бинненгофъ [2]) и

---

[1]) Это хуторъ около Гаги по дорогѣ въ Схевенингенъ. Въ концѣ прошлаго вѣка это имѣніе принадлежало великой герцогинѣ Саксенъ-Веймарской; въ настоящее же время оно перешло въ частное владѣніе, будетъ вѣроятно скоро застроено и сольется тогда съ Гагою въ одно цѣлое.

[2]) Въ центрѣ гор. Гаги находится живописный старый дворецъ голландскихъ графовъ, въ которомъ со времени основанія республики Соединенныхъ Нидерландовъ по настоящее время помѣщаются генеральные штаты и нѣкоторыя другія верховныя правительственныя учрежденія. Дворецъ этотъ состоитъ изъ нѣсколькихъ зданій, расположенныхъ четыреугольникомъ и выходящихъ главными своими фасадами на большую площадь, т. наз. Binnenhof, т. е. внутренній дворъ. За дворцомъ находится Buitenhof — внѣшній дворъ.

вились къ лодкѣ, которая стояла на Фейферѣ[1]) и была украшена двумя вымпелами. Царь и изобрѣтатель помѣстились подъ палубой; тамъ они зажгли свѣчку и заперлись. Остальные господа усѣлись [на палубѣ] за столикомъ, чтобы слѣдить за результатами. Полтора часа они плавали по Фейферу, гдѣ во многихъ мѣстахъ были помѣщены палочки съ номерами; изобрѣтатель же увѣрялъ, что онъ, не смотря на то, что находится подъ палубой, укажетъ каждый разъ, возлѣ которой именно палочки проходила лодка. Покончивъ съ этимъ, царь прошелъ черезъ коллегію въ Бинненгофъ, гдѣ его ожидали кареты; тамъ въ это время бы-

---

на морѣ. Рѣшеніе этой задачи интересовало мореплавателей въ особенности со времени открытія морского пути въ Индію и въ Америку, и въ теченіе XVI и XVII вв. занимающимися этимъ вопросомъ учеными и спеціалистами неоднократно предлагались новые способы и приборы для примѣненія на практикѣ. О подобномъ приборѣ говорится и здѣсь. (См. тоже: De Jonge, De opkomst vaon het Nederlandsch gezag in Oost-Indie, I, 83). Въ „Разсказахъ Нартова о Петрѣ Вел.“ сообщается тоже объ этомъ случаѣ. См. Л. Н. Майковъ, Разсказы Нартова, С.-Пб., 1891, стр. 95.

[1]) Прудъ, находящійся среди города Гаги, въ формѣ продолговатаго четыреугольника. Слово Фейферъ (Vijver) означаетъ живорыбный садокъ. Южный берегъ пруда занятъ боковымъ фасадомъ дворца голландскихъ графовъ. См. тоже: А. Веневитиновъ, Русскіе въ Голландіи, стр. 91.

ли выстроены войска въ полномъ вооруженіи, и когда карета царя тронулась, они махали знаменами и били въ барабаны. Сегодня, 28-го марта, государь уѣхалъ въ Лейденъ и думаетъ возвратиться завтра, чтобы затѣмъ отправиться въ Роттердамъ, Гелефутслейсъ и Зеландію, а оттуда въ Брабантъ и Фландрію для осмотра всѣхъ важныхъ городовъ, особенно же приморскихъ: Остенде, Дейнкерка и новой гавани въ Мардейкѣ; потомъ онъ отправится во Францію.

10-го мая 1717 г. изъ Франціи писали слѣдующее:

Царь Великой Россіи переночевалъ въ Бомонѣ и въ пятницу, въ 10 часовъ вечера, пріѣхалъ въ Парижъ, сопровождаемый драгунскимъ полкомъ. Многіе принцы и вельможи, встрѣчавшіе его царское величество, провожали его до стараго Лувра и даже до приготовленнаго для него помѣщенія. Въ разныхъ мѣстахъ была разставлена стража, но во время въѣзда факеловъ не зажигали. Онъ тихо прошелъ изъ коляски въ отведенное ему помѣщеніе, гдѣ уже зажгли свѣчи, и гдѣ стоялъ изготовленный для него ужинъ, состоявшій изъ 800 большихъ и малыхъ блюдъ, включая сюда и десертъ; но онъ не ѣлъ ничего, кромѣ кусочка бисквита, и выпилъ немного вина. Онъ осмотрѣлъ всѣ роскошныя комнаты и въ 11 часовъ уже уѣхалъ во дворецъ Ледигіеръ, гдѣ и переночевалъ. Мар-

шалы де Виллеруа и де Тессе [1]) убѣждали его величество остаться въ Луврѣ, но ихъ старанія не увѣнчались успѣхомъ, и они должны были проводить его въ каретѣ маршала де Тессе туда, гдѣ онъ желалъ остановиться Въ субботу, въ 10 часовъ утра, регентъ былъ съ визитомъ у его величества. Разговоръ велся черезъ переводчика и продолжался около часа; говорятъ, что его королевское высочество остался оченъ доволенъ.

Что касается царицы, то она оставалась здѣсь и бо́льшую часть времени проводила въ Амстердамѣ, гдѣ осматривала всѣ достопримѣчательности. Между прочимъ, въ пятницу 14 мая, желая доставить ей удовольствіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выразить свое уваженіе, благородные и высокопочтенные г.г. бургомистры города Амстердама предложили шкиперамъ, стоявшимъ со своими кораблями передъ городомъ и на рѣкѣ, поднять флаги и вымпела. Въ этотъ день предполагали прокатить царицу по рѣкѣ Эй до Дургердама и обратно на адмиральской яхтѣ, за которой должна была слѣдовать флотилія изъ другихъ яхтъ и буеровъ, чтобы показать ей примѣрное морское сраженіе, въ которомъ должны были принять участіе подъ командой адмираловъ,

[1]) См. Le Glay, Les origines hist. de l'alliance franco-russe, pag. 232.

вице-адмираловъ и схаутъ-бейнахтовъ [1]) яхты, поставленныя въ линію, подобно находящемуся въ бою большому флоту. Эти суда, дѣйствительно, производили другъ въ друга усердную пальбу, что доставляло зрителямъ большое удовольствіе. Нѣкоторые корабли, стоявшіе на рѣкѣ, тоже усердно палили изъ своихъ пушекъ.

Осмотрѣвъ во Франціи всѣ достопримѣчательности, царь уѣхалъ оттуда въ Ахенъ и пользовался нѣкоторое время водами въ Спа[2]), а въ началѣ августа возвратился опять къ царицѣ въ Амстердамъ. Затѣмъ онъ посѣтилъ нѣкоторые города въ сѣверной Голландіи и между прочимъ городъ Горнъ и тамошнюю адмиралтейскую верфь, но когда узнали о его пріѣздѣ, то собралось много народа, и онъ предпочелъ незамѣтно уѣхать.

17-го августа устроили около Амстердама по всѣмъ правиламъ военнаго искусства примѣрное морское сраженіе, въ которомъ принимали участіе двѣ эскадры, состоявшія изъ яхтъ большого, средняго и малаго размѣровъ.

Послѣ этого онъ уѣхалъ въ Утрехтъ и Гельдерландію.

22-го августа царь и царица поѣхали въ Ло, а 23-го числа посѣтили и нѣкоторыя другія мѣстности.

---

[1]) Контръ-адмиралы.

[2]) Царь былъ раньше въ Спа, а потомъ въ Ахенѣ.

26-го числа царь и царица возвратились изъ Гельдерландіи въ Амстердамъ.

30-го числа, въ понедѣльникъ, онъ снова пріѣхалъ въ Вестъ-Зандамъ къ Корнелису Михильсу Калфу со свитою изъ восьми или десяти лицъ; въ числѣ ихъ были его священникъ и нѣкоторые князья. Здѣсь ихъ опять угостили, какъ и въ первый разъ, скромно, по-купечески, и затѣмъ они отправились на Фохтенпатъ къ строившейся тамъ буеръ-яхтѣ; царь внимательно осмотрѣлъ ее и высказалъ при этомъ свое мнѣніе. На мѣдно-литейномъ заводѣ, находившемся въ концѣ той же улицы, онъ обратился къ одному изъ своей свиты и сказалъ: „осматривай это внимательно и запомни все, чтобы ты потомъ тоже сумѣлъ сдѣлать это“. Отсюда онъ отправился туда, гдѣ стояли котлы для выварки жира, и ознакомился съ этимъ производствомъ. Наконецъ, они завернули въ такъ называемую новую церковь баптистовъ, гдѣ К. М. Калфъ, по просьбѣ царя, прочелъ оригинальную короткую проповѣдь на какой-то текстъ. Выслушавъ его, царь сказалъ своему священнику: „такъ и вамъ слѣдуетъ говорить, у васъ же слишкомъ много витіеватости“. За обѣдомъ у К. М. Калфа его просили высказать сво мнѣніе о Франціи. На это онъ отвѣтилъ, что, на его взглядъ, въ Амстердамѣ во всякомъ случаѣ художественная промышленность и кораблестроительная техника стоятъ выше, чѣмъ во Франціи; что же

касается домовъ, то на Герегрâхтѣ, на Кейзерс-грахтѣ и на другихъ подобныхъ улицахъ они не уступаютъ французскимъ. Кромѣ этого, онъ прибавилъ, что въ теченіе всей своей жизни онъ не видалъ деревни, подобной Зандаму, именно, такой большой и многолюдной, съ такой обширной торговлей, и что онъ очень желалъ бы имѣть нѣсколько такихъ же деревень въ своемъ государствѣ.

Ему поднесли съ изысканной любезностью стаканъ пива; на это онъ отвѣтилъ: „французскими комплиментами вы меня не удовлетворите, дайте мнѣ лучше кружку“. Получивъ ее, онъ съ удовольствіемъ отпилъ и прибавилъ: „вотъ теперь я могъ пить сколько мнѣ хотѣлось, а главное, вы не знаете, сколько я выпилъ“. За обѣдомъ онъ разсказывалъ, что на берегу Балтійскаго моря, въ Петербургѣ, онъ строитъ большой, роскошный дворецъ и на будущее время намѣренъ тамъ жить.

1-го сентября, въ среду, здѣсь разыгралась сильная буря, а по словамъ нѣкоторыхъ— ураганъ, съ запада и съ запада къ сѣверу Съ 8 до 11 часовъ вѣтеръ достигъ такой силы, что многія деревья были вырваны изъ земли, а черепицы и фронтоны сорваны съ домовъ Въ южной Голландіи вплоть до Дордрехта разрушено и унесено много плотовъ, вслѣдствіе неожиданно хлынувшаго наводненія. Въ Роттердамѣ вода поднялась на четыре дюйма выше самаго высокаго уровня, такъ что

многіе подвалы были залиты, и погибла масса товаровъ, что причинило значительные убытки. Кромѣ того, прорвало плотины, и корабли удивительно далеко были выброшены на сушу. Въ Амстердамѣ была разрушена часть крыши одной большой церкви; тоже случилось и со многими другими церквами внутри страны. Водяныя мельницы такъ сильно работали, что на нѣкоторыхъ изъ нихъ вспыхнулъ пожаръ. Пасторъ Г. фанъ Альстъ находился въ то время въ южной Голландіи и послѣ разсказалъ намъ здѣсь съ каѳедры, что онъ видѣлъ пожаръ въ шести мѣстахъ. Въ Гейло сгорѣли мукомольная мельница и сосѣдній съ ней домъ. Слава милосердному Богу, что здѣсь въ Зандамѣ большой бѣды не случилось.

5-го сентября пасторъ Геральдусъ фанъ Альстъ читалъ здѣсь проповѣдь на текстъ изъ Исаія, глава 26, стр. 9: „Ибо когда суды Твои совершаются на землѣ, тогда живущіе въ мірѣ научаются правдѣ“.

Царь во время урагана не хотѣлъ оставаться дома и собирался уѣхать. Находившимся при немъ господамъ и высокопоставленнымъ лицамъ стоило много труда убѣдить его остаться дома. Они указывали ему на то, что онъ подвергнетъ свою жизнь опасности, если исполнитъ свое намѣреніе.

4-го сентября Николай Калфъ, единственный сынъ К. М. Калфа, разсказалъ мнѣ, Я. К. Номену, слѣдующее:

На прошлой недѣли царь былъ въ Амстердамѣ на верфи адмиралтейства у мастера Яна Іелиссона фанъ Ренена и, между прочимъ, сказалъ ему: „дай мнѣ хорошій кусокъ дерева, я вырѣжу тебѣ кое-что на память“. Ему дали желаемый кусокъ дерева, онъ же началъ работать циркулемъ, топоромъ и долотомъ и сдѣлалъ очень хорошенькую маленькую яхту, которой восхищались всѣ, кто имѣлъ случай ее выдѣть. На прощанье онъ обнялъ мастера, поцѣловалъ его и подарилъ ему 11 серебрянныхъ монетъ съ изображеніемъ его царскаго величества; кромѣ того, онъ сдѣлалъ ему еще какой-то большой подарокъ, цѣнности котораго мастеръ не желалъ сообщить.

Царь сказалъ между прочимъ Калфамъ, отцу и сыну, что онъ присутствовалъ при кончинѣ бургомистра магистра Геррита Гофта и бывшаго бургомистра Николая Витсена[1]). При этомъ онъ прибавилъ: „въ нихъ я потерялъ двухъ изъ моихъ лучшихъ друзей въ Голландіи“.

2-го сентября его царское величество и царица уѣхали изъ Амстердама въ свое госу-

---

[1]) Витсенъ умеръ въ Амстердамѣ $^{10}/_{21}$ авг. 1717 г.

дарство, предполагая дорогой видѣться съ королемъ прусскимъ, а можетъ быть, и съ другими владѣтельными князьями.

Такимъ образомъ, во второй разъ оставилъ Голландію ея дорогой и рѣдкій гость.

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

ПОПРАВКИ.

Стр.	Строка	Напечатано	Должно читать
6	4 сверху	трое	двое
29	13 „	Корнелисона	Корнелиссона
35	8 „	Корнелись	Корнелисъ
38	6 „	Биннецъ	Бинненъ
62	10 снизу	находятся	находятся;
77	3 и 11 снизу	Трентье	Трейнтье
84	7 „	мелъ	лемъ

Цѣна 1 руб.

Продается въ книжномъ магазинѣ Н. Оглоблина
въ Кіевѣ.